Линда Ховард

Всего одна неделя

Нет счастья без любви

Это он. Мужчина, которого ты ждала.

Линда Ховард

Всего одна неделя

Серия «Блэйр Мэллори», книга 1

OCR Roland; SpellCheck Elenor
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159096
Всего одна неделя: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-045734-2, 978-5-9713-5761-2, 978-5-9762-3584-7

Аннотация

Блэр Мэллори – успешная, состоятельная владелица фитнес-клуба. Жизнь ее течет легко и безмятежно, пока одну из клиенток клуба не убивают при загадочных обстоятельствах. Жертва была удивительно похожа на Блэр.

Таинственный убийца, который уже понял, что совершил ошибку, преследует Блэр угрозами.

Однако детектив Уайатт Бладсуорт, ведущий расследование преступления, готов совершить невозможное, чтобы спасти женщину, в которую давно влюблен...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	47
Глава 4	67
Глава 5	83
Глава 6	100
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Линда Ховард
Всего одна неделя

Глава 1

Мало кто серьезно относится к группам поддержки. Если бы они только знали...

Я типичная американка. На фотографиях в школьных альбомах вы увидите девушку с длинными светлыми волосами, здоровым загаром и широкой улыбкой, смело открывающей безупречно белые зубы – результат тысяч долларов, потраченных на пластины и отбеливатели. Речь, конечно, о зубах, а не о волосах и загаре. Я всегда обладала безмятежной уверенностью в себе, свойственной юной принцессе из преуспевающей американской семьи; ничего плохого со мной случиться просто не могло. Ведь, в конце концов, участие в группе поддержки уже говорит о многом.

Признаю этот факт. Больше того, признаю с гордостью. Обычно девушек из группы поддержки считают безмозглыми самовлюбленными дурочками, но так могут думать лишь те, кто сам никогда не участвовал в творческом процессе. Прощаю им их невежество. Поддержка любимой команды – тяжелый труд, требующий немалого умения, силы и смелости, ведь опасности подстерегают здесь на каждом шагу. Во

время игры участники группы нередко получают серьезные травмы, а порой и погибают. Причем, как правило, страдают именно девушки: ведь парни неизменно стремятся подкинуть их как можно выше. На профессиональном жаргоне нас называют «птичками», и это очень глупо, так как на самом деле летать мы, конечно, не умеем. Нас просто швыряют. Бывает, что мы приземляемся на собственную голову, а порой даже ломаем шею.

К счастью, лично мне ломать шею не приходилось, но вот левую руку я действительно ломала, и ключицу тоже. Да и правое колено однажды здорово повредила. О таких пустяках, как растяжения и синяки, не стоит и упоминать. Но зато я до сих пор могу похвастаться отличным вестибулярным аппаратом, чувством равновесия и хорошей растяжкой ног: с легкостью делаю и сальто, и шпагат. К тому же в колледже за участие в группе поддержки мне даже платили стипендию. Что и говорить, мы живем в замечательной стране!

Да, кстати, пора представиться: меня зовут Блэр Мэллори. Согласна, имя так себе – достаточно банальное, но зато отлично гармонирует и с группой поддержки, и со светлыми волосами, и с широкой улыбкой. Что касается имени, то здесь я ничего поделать не могу, ведь в ответственный момент все решали родители. Отца тоже зовут Блэр, так что остается сказать спасибо хотя бы за то, что мне не приклеили ярлык «младшая». Не думаю, что если бы официально меня звали Блэр Генри Мэллори-младшая, то я пользовалась бы

бешеным успехом. Так что «Блэр Элизабет» совсем не плохо и вполне меня устраивает. Конечно, звезды шоу-бизнеса дают своим отпрыскам другие имена – что-нибудь вроде «Гомер». Вот уж действительно, спаси и помилуй! Думаю, если детишки, повзрослев, вдруг решат свести счеты с опрометчивыми родителями, суд непременно должен будет их оправдать.

Здесь почему-то вспоминается убийство, свидетельницей которого я невольно оказалась.

Конечно, никакой прямой связи не существует. Так, чистая аллюзия. Подобие некой логической цепочки.

Следует признать, что даже с типичными американскими принцессами из групп поддержки порой случаются крупные неприятности. Вот я, например, однажды выскочила замуж, можете себе представить?

В какой-то степени это событие тоже связано с убийством. Едва окончив колледж, я стала законной супругой Джейсона Карсона, так что на протяжении целых четырех лет именовалась Блэр Карсон. Конечно, вполне можно было бы сообразить, что не стоит связывать судьбу с человеком, чьи имя и фамилия рифмуются, но, к несчастью, учиться приходится на собственном горьком опыте. Джейсон страстно мечтал о политической карьере, а потому постоянно заседал в студенческом совете и агитировал за избрание собственного папочки в конгресс штата. Дядюшка же его занимал весьма почетный пост мэра нашего города. Джейсон был настолько кра-

сив, что девушки при встрече с ним начинали заикаться – в самом прямом смысле. К сожалению, парень прекрасно это знал; еще бы – густые, поцелованные солнцем волосы, четкие, правильные черты лица, яркие синие глаза и прекрасная фигура, над которой он неустанно работал.

Можно без преувеличения сказать, что мы оказались образцовой парой – светлые волосы, идеальные зубы. Замечу без ложной скромности, что и моя фигура выглядела очень даже неплохо. Так почему бы нам было и не пожениться?

Четыре года спустя, к нашему взаимному облегчению, брак распался. Ведь, если честно, ничто, кроме внешности, нас не объединяло, а ее вряд ли можно считать достаточным основанием для счастливого супружества. Джейсон решил стать самым молодым конгрессменом штата, и для предвыборной кампании ему срочно потребовался ребенок – чтобы мы могли выглядеть типичной американской семьей. Меня такая постановка вопроса страшно разозлила. Дело в том, что раньше он был решительно настроен против детей, а теперь вдруг внезапно передумал – только ради красивой рекламной картинки. В ответ я не стала церемониться и просто посоветовала поцеловать мне задницу. Не то чтобы раньше он никогда этого не делал, однако на сей раз контекст оказался несколько иным, если вы понимаете, что я имею в виду.

Во время развода я вела себя как настоящая бандитка, хотя, наверное, должна была бы ощущать собственную вину и раскаиваться. Но я почему-то стала убеждать всех, что хо-

чу твердо стоять на ногах, всего добиваться самой и так далее, в том же духе. Должна признаться, что подобные идеи действительно привлекательны. Ну, а еще мне очень хотелось заставить Джейсона страдать. Наказать его было просто необходимо. За что? Например, за то, что однажды я застукала его со своей младшей сестрицей, Дженнифер Мэллори, которой тогда было семнадцать. Парочка нежно целовалась.

Должна заметить, что ярость никогда не ослепляет меня до полного отупения. Увидев предателей в столовой, я тихонько, на цыпочках, отправилась искать одну из многочисленных одноразовых камер, которыми мы фотографировали умильные семейные сцены для избирательной кампании Джейсона. Вот, смотрите, все в сборе и восседают за столом, уставленным всякой всячиной; а вот все дружно смотрят футбол. Джейсон больше любил фотографироваться с моей семьей, потому что как единое целое Мэллори выглядели гораздо привлекательнее Карсонов. В интересах избирательной кампании Джейсон был готов на все, даже на откровенное предательство.

Как бы там ни было, а мне удалось сделать очень хороший снимок Джейсона и Дженни – со вспышкой, все как положено. Теперь красавчик знал, что он полностью в моей власти. Что ему оставалось делать? Устроить погоню и на глазах у всей семьи начать вырывать из рук камеру? Нет, это не для него. Во-первых, придется объясняться. Джейсон вовсе не был уверен, что я поддержу его версию, скрыв правду. Во-

вторых, если бы отец увидел, что парень тронул хоть один волосок на голове его дочери и тезки, он не стал бы церемониться и разобрался с обидчиком по полной программе. Здесь нелишне будет уточнить, что я не только папочкина тезка, но и любимица.

Итак, развод был для меня делом решенным. Джейсон беспрекословно согласился на все условия, взамен потребовав лишь одного: чтобы ему вернули и фотографию, и негатив. Собственно, почему бы и нет? Тем более что я не настолько глупа, чтобы напечатать только одну копию.

Джейсон, разумеется, не думал, что я догадаюсь это сделать. А недооценивать коварство соперника всегда крайне опасно. Именно поэтому мне кажется, что успехов в политической карьере он никогда не добьется.

Естественно, я наябедничала маме о том, что Дженни целовалась с моим мужем. Неужели вы считаете, что следовало оставить эту негодяйку безнаказанной? Не то чтобы я совсем не любила Дженни. Но девчонка явно возомнила, что раз она в семье самая младшая, то может вести себя, как ей заблагорассудится. Все-таки тех, кто теряет чувство реальности, приходится время от времени ставить на место. В конце концов Дженни, конечно, пришлось простить, поскольку она моя самая близкая родственница. Но вот простить Джейсона – нет уж, ни за что на свете.

Вот так и получилось, что мама занялась воспитанием Дженни, а та слезно каялась и клялась, что больше никогда

не сделает ничего подобного или хотя бы постарается проявить хороший вкус. В это самое время средняя сестра, Шона, которая училась на юридическом факультете, занялась переговорами с Джейсоном относительно развода. Считается, что имя Шона – валлийская форма имени Джейн, но согласиться с этим трудно. По-моему, оно означает «акула-людоед с симпатичными ямочками на щеках», что точно подходит под описание сестры.

Все женщины семьи Мэллори дружно взялись за дело, и развод прошел в рекордно короткий срок. Отец даже толком не понял, с какой стати мы все так ополчились на бедного Джейсона. Правда, он особенно и не пытался ничего понять, просто принял события как данность и проявил семейную солидарность. По-моему, очень благоразумно с его стороны.

В результате развода мне удалось получить от бывшего супруга кругленькую сумму и красный «мерседес» с откидным верхом. Машина – это, конечно, здорово, но деньги гораздо лучше, потому что я сумела очень удачно ими распорядиться. Купила спортивный зал и организовала собственный фитнес-клуб. В конце концов, о себе заботится каждый, а я прекрасно знаю, как поддерживать достойную физическую форму. Шона предлагала назвать заведение «Симпатичная попка Блэр», но я решила, что такая вывеска ограничит клиентуру. Мама придумана вариант «Фанаты тела», и он сразу всем понравился, так что клуб получил именно такое название.

Я потратила кучу денег на ремонт и переоборудование. Когда все было готово, заведение буквально сияло, громко крича о высшем классе и красивой жизни. Куда ни глянь, везде отражение в зеркалах твоей собственной персоны; оборудование по последнему слову науки, техники и моды; туалеты, раздевалки и душевые отделаны заново; появились две сауны и бассейн, а вдобавок еще и массажный салон. Члены клуба «Фанаты тела» могли выбирать между йогой, аэробикой, тай-бо и кикбоксингом. Если после сеанса йоги вы еще не окончательно растаяли, то вполне могли прямо здесь, даже не выходя из здания, как следует встряхнуть свою задницу на любом из множества тренажеров. Я настояла, чтобы все сотрудники получили навыки оказания первой помощи. Ведь в любой момент какой-нибудь растолстевший босс с повышенным уровнем холестерина в крови мог так переусердствовать на тренажере в попытке произвести неизгладимое впечатление на молодую секретаршу, что заработал бы сердечный приступ и, того и гляди, отдал бы концы. Да и в рекламных проспектах такая мелочь, как постоянный контроль за самочувствием клиентов, выглядела очень впечатляюще.

Затраченные усилия были вознаграждены. Уже через месяц после открытия клуба дела в «Фанатах тела» шли просто отлично. Абонементы продавались на месяц и на год. Разумеется, на годовые предоставлялась скидка. Тактика очень удачная, потому что клиент оказывался на крючке и продолжал посещать заведение, чтобы не пропадали деньги. Сто-

янка, плотно заставленная машинами, создает впечатление процветания уже с улицы, а всем известно, какую роль играет первое впечатление. Успех неизбежно порождает успех. Меня же собственное дело поглотило целиком.

Клуб «Фанаты тела» работал с шести утра до девяти вечера, чтобы каждый желающий мог заняться собой в удобное ему время. В класс йоги поначалу записались всего лишь несколько женщин, а потому пришлось нанять молодых красивых футболистов – специально для того, чтобы они в течение недели ходили на занятия. Результат не заставил себя ждать: мачо из классов тяжелой атлетики и тай-бо тут же бросились следом за атлетически сложенными красавцами, чтобы добиться такой же великолепной формы. А женщины начали заниматься йогой, чтобы просто побыть рядом с привлекательными мужчинами. Так что уже к концу недели класс йоги вырос вчетверо. Мачо очень быстро раскусили, насколько интересны и полезны занятия йогой, и остались. Соответственно остались и женщины.

Я не сказала, что в колледже изучала психологию?

Прошло несколько лет, и вот что я представляла собой к тому времени, о котором идет речь: мне исполнилось тридцать лет, и значительную часть моего времени занимал бизнес, который требовал неустанного внимания, но в то же время приносил весьма солидную прибыль. Красный «мерседес» с откидным верхом я заменила на белый «мерседес» с откидным верхом – просто для того, чтобы выгля-

деть несколько скромнее. Живущей в одиночестве свободной женщине не стоит привлекать к своей персоне излишнее внимание. А если говорить откровенно, мне просто очень захотелось купить новую машину. Обожаю запах новых машин.

Я никогда не оставляла белый «мерседес» на общей стоянке перед клубом, так как не хотела, чтобы со всех сторон его били и царапали. За нашим зданием оборудована специальная парковка для машин сотрудников с отдельным, очень удобным въездом. Там у меня имелось собственное место – достаточно просторное, чтобы рядом не оказалось других машин, – как раз перед входной дверью. Как видите, быть хозяйкой порой не так уж плохо. А поскольку я к тому же оказалась рачительной хозяйкой, то с тыльной стороны здания устроила металлический навес, чтобы к машинам можно было беспрепятственно подойти в любую погоду. В дождь сотрудники особенно ценили такую заботу.

Разумеется, я босс, но никогда не стремилась самоутвердиться любым способом. Кроме уютного местечка на стоянке, мне не требовалось никаких особенных привилегий. Все-таки основное преимущество состояло в регулярных автографах на чеках. Я действительно единолично распоряжалась деньгами и принимала все основные решения, однако делала это заботливо и обдуманно. Сотрудники получали достойную медицинскую страховку, в которую входили и услуги стоматолога; хорошую зарплату, подкрепленную возмож-

ностью в свободное время давать частные уроки за дополнительную плату, а также щедро оплаченные отпуска. Понятно, что при таких условиях наше заведение никогда не страдало текучестью кадров. В определенной степени смена состава неизбежна, поскольку жизнь диктует свои условия, люди меняют род деятельности, переезжают с места на место и все такое прочее, но на аналогичную работу от меня редко кто уходил. Кадровая стабильность очень полезна для бизнеса. Клиентам нравится чувствовать, что они хорошо знакомы с преподавателями и тренерами.

Обычно клуб закрывался в девять вечера, и я нередко оставалась до самого конца, чтобы проверить, все ли в порядке, и запереть двери. Сотрудники торопились домой или куда-нибудь, где можно приятно провести вечер. Я вовсе не хочу сказать, что мне самой некуда пойти. Должна признаться, что в тридцать лет личная жизнь действительно была не настолько активной, как сразу после развода, но ведь «Фанаты тела» занимали почти все мое время. Клуб жил, развивался и стал неотъемлемой частью моего существования, так что о бизнесе приходилось неустанно заботиться. Немаловажно и то, что я подходила к свиданиям творчески: допустим, мы с молодым человеком встречались за ленчем. Такой вариант особенно выручал, если парень не оправдывал надежд: ведь ленч быстро заканчивается. Поели и разбежались. Так что если новый приятель не по душе, нет необходимости «отшивать» его или придумывать какие-то неуклю-

жие отговорки и извиняться за то, что его не приглашают домой. Ленч – очень хорошая идея и позволяет решить немало проблем. Если партнер по столику нравится, сразу открываются новые возможности, вплоть до настоящего свидания после работы или в воскресенье, когда «Фанаты тела» закрыты.

Так вот, в тот самый вечер, о котором пойдет речь (надеюсь, я не забыла сказать, что оказалась свидетельницей убийства?), я, как всегда, заперла клуб. Правда, немного позже, чем обычно, поскольку пришлось потренироваться самой – ведь в любой момент может понадобиться как бы между прочим сделать «колесо» или сальто. Работала я старательно, а потому после тренировки приняла душ и даже вымыла голову. Потом собрала вещи и направилась к служебному выходу. Выключила в здании свет, открыла дверь и вышла под навес.

Впрочем, нет, подождите! Я забегаю вперед: сначала надо рассказать о Николь.

Николь Гудвин – «зовите меня Никки» – изрядно отравляла мне жизнь. Она появилась в «Фанатах тела» около года назад и сразу принялась сводить меня с ума, хотя сама я осознала это лишь пару месяцев спустя. Эта особа отличалась тем чувственным, чуть хрипловатым голоском, от которого сильные мужчины моментально тают. За этот ее голосок мне хотелось немедленно придушить Николь. Чем же подкупает мужиков это воркование в духе Мэрилин Монро? Когда Ни-

коль говорила, все вокруг словно покрывалось густым слоем меда; странно, что окружающие не прилипали к полу и стенам. Спасибо, хоть не накручивала на палец прядь волос.

Но этого милашка не делала лишь потому, что этого не делала я, конечно, если не приходилось кого-то отчаянно распекать и нервничать. В здравом уме я, как правило, веду себя более профессионально.

Короче говоря, Николь постоянно обезьянничала. И подражала она именно мне. Копировала каждую мелочь во внешности и в поведении.

Прежде всего волосы. Естественный цвет волос Николь можно было бы назвать светло-русым, но уже через две недели после появления в «Фанатах тела» она превратилась в золотистую блондинку с пепельными прядями. То есть в точности переняла цвет моих волос. Я не сразу уловила суть перемены, так как ее волосы гораздо короче. Только спустя некоторое время, когда разрозненные мелкие детали начали складываться в единое целое, стало ясно, что она окрасилась именно под меня. Потом дело дошло и до прически: Николь начала собирать волосы на затылке в «конский хвост», чтобы они не мешали во время тренировки. Догадайтесь, кто еще делал то же самое, чтобы волосы не болтались?

Собираясь на работу, я обычно наношу самый скромный макияж, потому что считаю это пустой тратой времени: если девушка блестит от пота, макияж теряет смысл. А кроме того, у меня хорошая кожа, густые темные брови и ресни-

цы, так что особенно мне волноваться не приходится. Однако мне очень нравится очищающий лосьон, от которого кожа приобретает нежное сияние. Николь поинтересовалась, каким именно лосьоном я пользуюсь, и я, как последняя простушка, сказала правду. Буквально на следующий день кожа Николь тоже засияла.

Очень скоро ее одежда стала подозрительно напоминать мою: обтягивающие лосины и гетры во время занятий, а в перерывах, когда я наблюдала за тренировками других, еще и шаровары для йоги. Николь тоже начала щеголять в трико и гетрах, а когда болталась по клубу, поверх них натягивала шаровары. Я не случайно сказала «болталась». Судя по всему, бюстгальтера в ее гардеробе просто не существовало, в то время как Николь принадлежала к числу тех женщин, которым он просто необходим. Мужская половина моего клуба (мне очень нравится это выражение) явно наслаждалась зрелищем, но у меня самой от всех этих бесконечных встряхиваний и покачиваний тут же начинала жутко болеть голова, а потому, если мне случалось общаться со столь неприятной особой, приходилось смотреть исключительно ей в глаза.

И вот настал день, когда мучительница купила белый автомобиль с откидным верхом. Это был не «мерседес», а «мустанг», но все же белый и с откидным верхом. Куда уж дальше?

Возможно, я должна была бы чувствовать себя польщенной, но этого не случилось. Николь подражала мне вовсе не

из восхищения и любви. Думаю, она ненавидела меня лютой ненавистью. В разговоре фальшивая любезность перехлестывала через край, если вы понимаете, что я имею в виду. Если Николь щебетала: «О, дорогая, какие у тебя сегодня очаровательные сережки!» – то это надо было понимать примерно так: «Ты, сука, с какой радостью я вырвала бы их вместе с твоими пакостными ушами!»

Кто-то из членов клуба – разумеется, женщина, – глядя вслед трясущей всем, чем только можно, Николь, однажды заметил:

– Эта девица готова собственными руками перерезать тебе горло, сбросить тело в канаву, облить бензином, поджечь и оставить пылать. А потом, когда догорит, вернуться и станцевать на пепле жигу.

Понятно? Так что я ничего не выдумываю.

Поскольку заведение относилось к разряду открытых и общедоступных, мне приходилось принимать в клуб каждого, кому приходило в голову заняться фитнесом. Как правило, ничего страшного не случалось и занятия проходили спокойно и эффективно. Однако в договоре о вступлении в клуб, который в обязательном порядке подписывали все клиенты, существовал один пункт. В нем говорилось, что если в течение календарного года на подписавшего договор поступало три жалобы от других членов клуба – например, на поведение в раздевалке, нарушение правил приличия и тому подобное, – то по истечении обозначенного срока абонемент

больше не возобновлялся.

Профессиональная этика категорически запрещала вычеркнуть Николь из списков только потому, что эта особа беспредельно меня раздражала. Придерживаться правила было нелегко, но я старалась изо всех сил. Однако Николь нервировала, оскорбляла и даже приводила в бешенство почти каждую из женщин, с которыми ей доводилось общаться в течение дня. Она устраивала в раздевалке кавардак, а убирать за собой предоставляла другим. Позволяла себе двусмысленные, а порой и грубые замечания в адрес тех, кто не мог похвастаться телом Венеры. Узурпировала тренажеры, полностью игнорируя правило о тридцатиминутном ограничении.

Большей частью недовольство выливалось в перебранки, но, слава Богу, некоторые из обиженных приходили ко мне с горящими от праведного гнева глазами и требовали принять официальную жалобу.

Ко времени окончания срока абонемента в папке Николь скопилось куда больше, чем три официальных жалобы. Таким образом, я получила возможность поставить ее в известность – разумеется, в очень вежливой форме – о том, что абонемент возобновлению не подлежит и ей необходимо как можно быстрее освободить шкафчик в раздевалке.

В ответ раздался такой оглушительный вопль, что, наверное, испугались пасущиеся в соседнем округе коровы. Николь орала, обзывала меня сукой, шлюхой и прочими отвра-

тительными словами, которые даже повторять не хочется. Но это были лишь цветочки. Брань становилась все громче и яростнее, привлекая внимание всех и каждого. Думаю, психопатка ударила бы меня, если бы не была уверена, что, поддерживая прекрасную физическую форму, я не задумываясь дам сдачи, причем гораздо сильнее. Поэтому на этот раз она ограничилась тем, что сбросила на пол все, что находилось на моем столе – пару горшков с цветами, заявления по поводу вступления в клуб, несколько ручек, – и пулей вылетела из офиса, на ходу выпалив, что в дальнейшем намерена общаться со мной исключительно через адвоката.

Прекрасно. Все, что угодно. Мой адвокат сможет встретиться с ее адвокатом в любое время. Несмотря на молодость, юрист Шона Мэллори отличалась железной хваткой и не боялась рискованных шагов. Эти черты она унаследовала от мамы.

Собравшиеся поглазеть на ярость Николь женщины пришли от зрелища в бурный восторг, а едва за ней захлопнулась дверь, даже начали аплодировать. Мужчины выглядели озадаченными. Я же ощущала острое разочарование, поскольку злодейка так и не освободила шкафчик. Это означало, что предстояло еще раз впустить ее на территорию клуба, чтобы она смогла забрать оставшиеся пожитки. Мне вдруг пришло в голову спросить у Шоны, нельзя ли назначить для визита Николь конкретное время и пригласить полицейского, чтобы тот, во-первых, явился свидетелем опустошения шкафчика,

а во-вторых, в случае необходимости защитил всех нас от очередного приступа бешенства.

Остаток дня прошел в золотом сиянии. Наконец-то я освободилась от Николь! Даже наведение порядка показалось мне делом не слишком обременительным; главное, что этой отвратительной гадины больше нет, нет, нет!

Ну ладно. Это то, что касается Николь Гудвин.

А теперь вернусь к рассказу о том, как я поздним вечером вышла через служебную дверь и что случилось потом.

Фонарь на углу освещал стоянку, но все вокруг тонуло во тьме. Моросил мелкий нудный дождик, и я даже позволила себе выругаться, поскольку мою белую машину ожидало тяжкое испытание уличной грязью. Кроме того, город погружался в туман. Дождь и туман – не самое удачное сочетание. К счастью, у меня не вьющиеся волосы, так что в подобных ситуациях хотя бы не приходится волноваться насчет дурацких бараньих кудряшек.

Если уж судьба приказывает стать свидетелем из ряда вон выходящего события, то имеет смысл выглядеть как можно лучше.

Я заперла дверь и огляделась. В дальнем углу парковки стояла машина. Белый «мустанг». Меня поджидала Николь, черт ее подери!

Моментально насторожившись и слегка волнуясь – в конце концов, она ведь уже успела показать, на что способна в минуту бешенства, – я отступила на шаг для того, чтобы сте-

на оказалась за моей спиной и злодейка не смогла напасть на меня сзади. Ожидая, что она сейчас выйдет из тени, я быстро посмотрела по сторонам. Однако стояла полная тишина, ничего не происходило, и я снова перевела взгляд на «мустанг», решив, что Николь сидит в машине и выжидает, когда я уеду. Что она собирается делать? Ехать следом? Столкнуть «мерседес» с дороги? Поравняться со мной и выстрелить в упор? Ожидать можно было чего угодно.

Дождь и туман мешали разглядеть, сидел ли кто-нибудь в машине. Однако вскоре мне удалось различить полускрытую «мустангом» фигуру, и я смогла заметить светлые волосы. Тут же достав из сумки сотовый телефон, я включила его, решив, что если агрессор сделает хотя бы один шаг в моем направлении, тут же наберу 911.

В этот момент фигура возле машины зашевелилась и сдвинулась. От Николь отделилась более крупная и густая тень. Мужчина. Ах, черт, она уже успела притащить кого-то себе в помощь!

Я нажала «девятку» и первую «единицу».

Оглушительный треск заставил меня подпрыгнуть не меньше чем на фут; первой моей мыслью было, что совсем близко во что-то ударила молния. Однако не последовало ни ослепительной вспышки, ни вибрации. И тогда меня осенило, что страшный треск скорее всего был выстрелом, а целью этого выстрела была именно я. Заверещав от животного ужаса, я шлепнулась на четвереньки за машину. Наверное,

собиралась закричать, но смогла издать лишь жалобный мышиный писк. Я была испугана до полусмерти: Николь привезла не громилу – нет, она наняла убийцу.

Сотовый выпал у меня из рук, и найти его в темноте никак не удавалось. Приходилось постоянно оглядываться по сторонам, а потому смотреть на землю было просто некогда. Я попыталась провести рукой по асфальту в надежде разыскать телефон на ощупь. О, черт, а если тот, кто стрелял, пошел смотреть, попал ли он в цель? Что делать? Лежать неподвижно и притвориться мертвой? Ползком залезть под машину? Попытаться вернуться в здание и запереть за собой дверь?

Раздался звук мотора. Я подняла голову и увидела, как по узкой боковой улице проехал темный седан и тут же исчез за углом. Было слышно, как машина притормозила и остановилась у пересечения с проходившей перед клубом широкой четырехрядной улицей, а потом влилась в не слишком густой в это позднее время поток транспорта. В какую сторону она повернула, я так и не поняла.

Уехал ли это тот, кто стрелял? Если на стоянке находился кто-то еще, то этот человек наверняка услышал выстрел и вряд ли нашел бы в себе силы так спокойно уехать. Единственным нерастерявшимся водителем мог оказаться только сам стрелявший, разве не так? Любой другой потерял бы голову и сейчас изо всех сил удирал бы восвояси. Я и сама отчаянно об этом мечтала.

Все происходило совсем в духе Николь: она даже не удосу-

жилась нанять нормального киллера. Наверное, именно поэтому стрелявший не счел нужным проверить, действительно ли я мертва. Но если он уехал, то где же сама виновница «торжества»? Я ждала, прислушиваясь, однако тишину не нарушали ни звуки шагов, ни шум автомобильного мотора.

Я улеглась на живот и осторожно выглянула из-за переднего колеса. Белый «мустанг» продолжал стоять на парковке, а вот Николь нигде не было видно.

Выстрел никого не взволновал: не подбежали случайные прохожие, чтобы посмотреть, что же произошло, и поинтересоваться, есть ли раненые. Клуб «Фанаты тела» располагался в очень благополучном районе, в окружении небольших магазинов и ресторанов. Жилых домов рядом не было, да и торговые заведения обслуживали главным образом местный бизнес, так что рестораны закрывались около шести, а магазины почти сразу вслед за ними. Если кто-нибудь из членов нашего клуба решал вечером, после занятий, подкрепиться, то к ближайшему заведению ему приходилось ехать пять кварталов. До сих пор мне и в голову не приходило, насколько одинокой и беспомощной оказывалась наша парковка в поздние часы.

Я оставалась в полном одиночестве. Никто, кроме меня, выстрела не слышал.

Предстояло выбрать один из двух возможных вариантов поведения. Ключи от машины лежали в кармане. Вообще-то у меня было две связки ключей, потому что количе-

ство клубных дверей делало одну связку слишком тяжелой и неудобной, особенно если приходилось заниматься какими-нибудь делами или ходить по магазинам. Поэтому достать ключи от машины не представляло никакого труда: я могла моментально это сделать, открыть машину дистанционным пультом и прыгнуть в нее прежде, чем Николь успела бы до меня добраться, если, конечно, она уже не стояла рядом, с противоположной стороны машины. Правда, вероятность этого не слишком велика. Однако автомобиль, особенно с откидным верхом, не казался мне достаточно надежной защитой от агрессивной психопатки. Что, если она вооружена? Крыша не спасет от пули.

Второй вариант поведения заключался в том, чтобы вытащить из сумки связку ключей от дверей клуба, нащупать среди них нужный, отпереть служебную дверь и скрыться в здании. Времени на это уйдет больше, но за запертой дверью я буду чувствовать себя куда спокойнее.

Правда, существовал и третий вариант – постараться разыскать Николь и напасть на нее. Возможно, я именно так и поступила бы, если бы была вполне уверена, что она не вооружена. Однако я этого не знала, а рисковать собственной жизнью не собиралась. Я, конечно, блондинка, но все же не безнадежная дурочка.

Кроме того, подобная схватка неизбежно закончилась бы парой сломанных ногтей, а это слишком серьезная жертва.

Взвесив все «за» и «против», я пошарила в сумке и отыс-

кала ключи от клуба. Брелок имел ограничитель, чтобы ключи не крутились, так что они всегда находились в определенном порядке. Тот, которым отпиралась служебная дверь, был первым слева. Я зажала его в руке и на корточках, ушным шагом, добралась до двери. Упражнение выглядит ужасно, однако очень полезно для бедер и ягодиц.

Никто на меня не напал. Стояла полная тишина, если не считать приглушенного шума проезжающих по соседней улице машин. Неподвижность и безмолвие казались призрачными и куда более зловещими, чем шум и суета, неизбежные в том случае, если бы Николь с криком выскочила из-за машины и набросилась на меня. Вообще-то я не предполагала, что красотка способна на подобные прыжки: для этого надо обладать отличной гимнастической формой, а она могла только пыль в глаза пускать. Николь не умела делать даже шпагат, а уж о сальто и говорить нечего – сиськи наверняка бы перевесили, и она шлепнулась бы прямо на собственную смазливую физиономию.

Боже, хотела бы я хоть раз в жизни увидеть, как это чучело делает сальто!

Руки дрожали совсем чуть-чуть – ну хорошо, больше, чем чуть-чуть, – однако отпереть дверь мне все-таки удалось, причем с первой же попытки. Я буквально ввалилась внутрь, причем довольно неудачно, и больно ударилась правой рукой о косяк. Захлопнув дверь, заперла ее на задвижку и, опасаясь новых выстрелов, отползла прочь.

На ночь я всегда оставляла включенными две слабые дежурные лампочки, но они освещали лишь парадный фасад. Выключатель служебного коридора находился, разумеется, возле самой двери, а рисковать я не собиралась. Не видя ничего вокруг, я продолжала ползти по темному коридору, на ощупь определив, что уже миновала женский туалет для персонала – мужской располагался в другом конце, – потом комнату отдыха и наконец оказалась у третьей двери, за которой скрывался мой собственный офис. Я почувствовала себя добравшимся до родного окопа пехотинцем. Безопасность!

Под надежной защитой стен и запертой двери я наконец-то осмелилась подняться на ноги и даже включить свет. Потом торопливо и сердито набрала спасительный номер 911. Если бандитка надеялась, что я не займусь ее арестом вплотную, значит, она недооценивала мою ярость.

Глава 2

Ровно через четыре минуты и двадцать семь секунд, ярко осветив фарами темную улицу, перед парковкой остановилась черно-белая полицейская машина. Я потому с такой точностью называю время, что не сводила глаз с часов. Когда человек сообщает оператору службы 911, что в него только что стреляли, он, естественно, ожидает срочной помощи от той самой полиции, которую регулярно поддерживает налоговыми отчислениями. Какая-то часть моей души явно стремилась к геройским поступкам, и потому я пыталась сохранять мир даже с самыми сложными людьми: ведь окружающие куда лучше идут на контакт, если не придираться к каждой мелочи. Так что я всегда старалась вести себя как можно любезнее со всеми, кроме собственного бывшего мужа. Однако при возникновении опасности для собственной жизни все высокие материи тут же отступают в сторону.

Не могу сказать, что, увидев полицейских, я впала в истерику или каким-то иным способом проявила слабость. Я не выбила дверь и не бросилась на грудь ребятам в темно-синей форме. Может быть, это и стоило бы сделать, но они выскочили из своей машины, держа руки на кобуре, так что я всерьез испугалась, что, если побегу, в меня тут же начнут стрелять. А впечатлений для одного вечера было с меня уже достаточно. Поэтому я просто включила свет и отперла парад-

ную дверь. Но из дома не вышла, а просто встала так, чтобы полицейские могли меня видеть, а сучка-психопатка – нет. К тому же дождь разошелся не на шутку, и мокнуть мне совсем не хотелось.

Я вела себя совершенно спокойно. Не прыгала и не вопила как резаная. Потоки адреналина захлестывали, а стресс давил так, что я тряслась с ног до головы и очень хотела позвать на помощь маму, однако мужественно взяла себя в руки и даже не заплакала.

– Поступило сообщение о стрельбе в этом квартале, мэм, – заявил один из полицейских, как только я отступила в сторону, освобождая им проход. Ребята внимательно осматривали каждый закоулок просторного пустого холла, очевидно, выискивая вооруженных преступников. Тот, который заговорил, был крепким парнем лет двадцати восьми, с коротко стриженными волосами и мощной шеей. Внешность его свидетельствовала о регулярных и настойчивых тренировках, хотя полицейский не принадлежал к числу моих клиентов – своих я всех знала в лицо. Может быть, после того как Николь арестуют и упрячут в психушку, я смогу порекомендовать ему свое заведение? Ведь никогда не стоит упускать возможность расширить круг членов клуба, правда?

– Если говорить точно, то выстрел был только один. – Я протянула руку. – Блэр Мэллори, владелица клуба «Фанаты тела».

Похоже, полицейские не привыкли к формальным пред-

ставлениям. Оба явно оторопели. Второй коп выглядел еще моложе и казался совсем мальчишкой, однако он первым пришел в себя и догадался пожать протянутую руку.

– Мэм, – вежливо произнес он, а потом вынул из кармана небольшой блокнот и записал мое имя. – Я офицер Бар-стоу, а это офицер Спенглер.

– Спасибо за то, что так быстро приехали. – Я одарила полицейских лучшей из возможных в данной ситуации улыбок. Да, дрожь до сих пор не прошла, но вежливость превыше всего.

Ребята немного расслабились, так как убедились, что оружия у меня нет. На мне были короткий розовый топик и черные шаровары для йоги, в которых не было даже карманов, чтобы что-нибудь спрятать. Офицер Спенглер мужественно убрал руку с кобуры.

– Что здесь происходит? – решил уточнить он.

– Сегодня днем произошла небольшая неприятность с одной из клиенток, Николь Гудвин. – Имя было тщательно записано в блокнот офицера Барстоу. – Дело в том, что из-за множества жалоб, поступивших от других членов клуба, я отказала ей в продлении абонемента. Женщина пришла в ярость, принялась крушить все вокруг, обзывать меня неприличными словами – одним словом, взбесилась не на шутку.

– Она вас ударила? – спросил Спенглер.

– Нет, но вечером поджидала меня на улице. Ее маши-

на оказалась на парковке за зданием, то есть там, где обычно оставляют машины только сотрудники. Когда я звонила в службу спасения, машина все еще была на прежнем месте, хотя сейчас, возможно, ее уже там нет. Рядом с машиной я видела саму Николь и еще кого-то, как мне показалось, мужчину. Услышав выстрел, я очень испугалась и тут же спряталась за свою машину, а потом, по-моему, мужчина уехал, а Николь осталась. Во всяком случае, остался ее белый «мустанг». Пригибаясь, я осторожно добралась до здания, заперлась и набрала 911.

– Вы уверены, что слышали именно выстрел?

– Да, конечно.

Дело в том, что я живу на юге США, а именно в штате Северная Каролина, так что знаю, как звучат выстрелы. Да и сама когда-то стреляла из охотничьего ружья. Когда мы ездили в деревню к маминым родителям, дед частенько брал меня охотиться на белок. К сожалению, он умер, когда мне едва исполнилось десять, и с тех пор я больше на охоту не ходила. Но звук выстрела сохранился в памяти навсегда, даже если бы телевизор не напоминал о нем с таким постоянством.

Должна сказать, что копы вовсе не бросились со всех ног к машине, где, вполне возможно, скрывалась вооруженная психопатка. Удостоверившись, что белый «мустанг» все еще стоит на служебной парковке, офицеры Барстоу и Спенглер начали переговоры по ловко прикрепленным на плече у каждого симпатичным маленьким рациям. Через несколько ми-

нут приехала еще одна черно-белая полицейская машина, и из нее выскочили офицеры Уошингтон и Вискосай. С Марисусом Уошингтоном мы когда-то учились в одном классе, так что он едва заметно кивнул мне и улыбнулся. Однако уже в следующее мгновение темное, словно высеченное из камня лицо его снова стало серьезным. Вискосай был невысоким, коренастым и почти лысым.

Мне приказали остаться в здании, и я с большим удовольствием подчинилась. Четверо полицейских осторожно вышли под дождь, в кромешную тьму, чтобы узнать у Николь, какого черта она здесь делает.

Я оказалась настолько послушной – и уже это доказывает степень моего потрясения, – что так и стояла на одном месте совершенно неподвижно. Через некоторое время вернулся офицер Вискосай и смерил меня очень внимательным, изучающим взглядом. Честно говоря, я даже немного растерялась.

– Мэм, – вежливо произнес полицейский после продолжительной паузы, – не хотите ли присесть?

– С удовольствием, – так же вежливо ответила я и опустилась на один из стульев для посетителей. Интересно, что происходит на улице и сколько еще продлится вся эта история?

Через несколько минут подъехали еще несколько полицейских машин с ярко горящими фарами. Моя парковка начинала напоминать территорию департамента полиции. Гос-

поди, неужели Николь так разбушевалась, что с ней не могли справиться четверо полицейских и им потребовалось подкрепление? Должно быть, эта особа еще более ненормальная, чем казалось сотрудникам и членам нашего клуба. Говорят, когда у человека едет крыша, он неожиданно обретает колоссальную силу. Николь же определенно была не в себе. Я поежилась, представив, как она расшвыривает копов направо и налево, все ближе подбираясь ко мне. Может, стоит забаррикадироваться в офисе?

Офицер Вискосай явно не собирался строить баррикады. Больше того, постепенно складывалось впечатление, что достойный служитель закона не столько защищал меня, как казалось поначалу, сколько охранял. Словно хотел убедиться, что я... не сделаю ничего плохого.

Ну и ну...

В голове моей один за другим начали созревать самые фантастические сценарии. Если полицейский следит, чтобы я что-то не сделала, то в чем именно заключается это «что-то»? Что предосудительного могу я предпринять? Пойти в туалет? Начать приводить в порядок бумаги на столе? И то и другое было просто необходимо сделать, хотя и с разной степенью срочности, однако такие поступки вряд ли могли заинтересовать полицию. Во всяком случае, хотелось верить, что офицера Вискосая эти пункты повестки дня не касались, особенно первый.

Углубляться в подобные рассуждения не имело смысла, а

потому усилием воли я привела мысли в порядок.

Вряд ли полицейские опасались, что я неожиданно приду в ярость, выскочу на улицу и нападу на Николь прежде, чем они смогут меня остановить. Если не доводить меня до исступления, то, как правило, я и выгляжу прилично, и веду себя очень спокойно и сдержанно.

Думаю, вы уже поняли, что при желании я могу до бесконечности мысленно кружить вокруг какого-то неприятного вопроса, если не готова подступиться к нему вплотную.

И вот сейчас мне совсем не хотелось думать о том, почему офицер Вискосай стоял надо мной, словно конвоир. Ну вот просто совсем не хотелось.

К сожалению, встречаются ситуации, которые невозможно игнорировать. Реальность возникла в моем мозгу как-то совершенно неожиданно. Шок оказался сродни удару, я даже дернулась на стуле.

– О Господи! – пробормотала я. – Ведь этот выстрел предназначался вовсе не мне, так ведь? Николь... мужчина выстрелил в нее, правда? Он убил... – Я хотела сказать «ее», но неожиданно к горлу моему подступила тошнота, и потребовалось срочно сглотнуть и глубоко вздохнуть. В ушах возник противный звон, и я поняла, что сейчас совершу какой-нибудь не слишком изящный поступок, например, упаду в обморок. Поэтому пришлось наклониться, свесить голову между колен и начать дышать как можно глубже.

– С вами все в порядке? – спросил офицер Вискосай.

Его голос едва пробивался сквозь противный звон в ушах. Я взмахнула рукой, показывая, что пока еще в сознании, и сконцентрировалась на дыхании. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Главное – представить себя в классе йоги.

Постепенно звон в ушах начал стихать. Я услышала, как открылась входная дверь и раздались шаги сразу нескольких человек.

– Что с ней? – поинтересовался кто-то. Я снова помахала рукой.

– Сейчас, одну минутку, – удалось мне произнести, хотя слова были обращены к полу. Еще тридцать секунд дыхательной гимнастики, и тошнота отступила. Я осторожно выпрямилась.

Вошедших оказалось двое. Одежда их была сырой от дождя, а мокрая обувь оставляла на блестящем полированном полу грязные следы. Полицейские сняли резиновые перчатки. На одной перчатке я заметила что-то красное и мокрое, и комната моментально закружилась. Пришлось снова срочно свесить голову между колен.

Поверьте, я вовсе не нежное и хрупкое создание, но в этот день с самого ленча ничего не ела, а было уже часов десять вечера, если не больше, так что уровень сахара в крови скорее всего понизился до критической отметки.

– Может быть, нужна медицинская помощь? – участливо поинтересовался один из полицейских.

Я покачала головой:

– Все в порядке, но было бы здорово, если бы кто-нибудь принес мне попить из холодильника в комнате отдыха. – Я показала вдоль коридора. – Это вон там, за офисом. Или газировку, или бутылку со сладким чаем.

Офицер Вискосай направился было к холодильнику, но товарищ остановил его:

– Подожди. Надо проверить парадный вход.

Он ушел, а Вискосай остался на месте. Второй из пришедших с улицы полицейских сел рядом со мной. Его обувь мне очень не понравилась. Так как я все еще сидела опустив голову, то смогла как следует ее рассмотреть. Это оказались черные остроносые сапоги, и они были совсем мокрыми – вода даже собиралась в капли и стекала на пол. Брюки снизу тоже намокли.

– Детектив Форестер, – представился человек.

Я осторожно приподняла голову и вытянула правую руку.

– Блэр Мэллори.

Едва не добавила «рада познакомиться», что, конечно, было неправдой, по крайней мере в данных обстоятельствах.

Как и офицер Барстоу, детектив сжал мою руку и коротко встряхнул. Рукопожатие оказалось очень хорошим: не слишком крепким и в то же время совсем не слабым. О человеке можно многое узнать по рукопожатию.

– Мэм, вы можете рассказать, что здесь сегодня произошло?

Детектив показался мне воспитанным. Я осторожно при-

няла вертикальное положение. Испачканных красным резиновых перчаток видно не было, так что, вздохнув с облегчением, я принялась пересказывать то, что уже говорила офицерам Барстоу и Спенглеру. Вискосай наконец-то принес из холодильника чай. Прежде чем передать мне бутылку, он даже любезно ее открыл. Я сделала основательную паузу, чтобы поблагодарить и выпить несколько глотков холодного сладкого напитка, а потом продолжила рассказ.

Когда я закончила, детектив Форестер представил мне своего коллегу, детектива Макинниса. Снова состоялось формальное знакомство с рукопожатием. Детектив Макиннис подвинул один из стульев и сел вполоборота ко мне. Он выглядел немного старше и солиднее своего товарища; в волосах пробивалась седина, а на щеках темнела трехдневная щетина. Однако несмотря на повышенную ворсистость, полицейский казался скорее жестким, чем мягким и пушистым.

– Когда вы открыли служебную дверь и вышли, почему вас не заметил тот человек, который находился рядом с мисс Гудвин? – начал допрос детектив.

– Я выключила свет в коридоре.

– Как же вам удалось отпереть дверь, если было совсем темно?

– Дело в том, что я делаю это практически одновременно, – пояснила я. – Наверное, иногда какую-то долю секунды свет еще горит и при открытой двери, а иногда гаснет чуть

раньше, чем дверь откроется. Сегодня, после того как ушел последний из сотрудников, я закрыла дверь на задвижку, потому что решила задержаться и, естественно, не хотела, чтобы кто-нибудь вошел. Поэтому, выходя, я держала ключи в правой руке, а левой отодвинула задвижку и открыла дверь, одновременно выключив свет.

Я махнула правой рукой сверху вниз, показывая, как это обычно делается. Ведь мы почти всегда что-то держим в руках и все же умудряемся и отпереть дверь, и включить или выключить свет. Все так делают, то есть, конечно, те, у кого есть руки. К счастью, они есть у большинства людей; тем же, у кого рук нет, приходится сложнее, но у меня-то руки определенно имелись, в этом сомневаться не приходилось. Вот опять я начала мысленно танцевать вокруг да около. Глубоко вздохнув, постаралась привести мысли в порядок.

– Все зависит от координации движений, но по крайней мере в половине случаев дверь открывается уже в полной темноте. Хотите, покажу?

– Может быть, позже, – остановил меня детектив Макиннис. – И что же произошло после того, как вы открыли дверь?

– Вышла, заперла дверь и обернулась. Именно в этот момент я и увидела «мустанг».

– А раньше вы его не замечали?

– Нет. Моя машина стоит прямо против двери, а, выходя за порог, обычно я сразу поворачиваюсь, чтобы запереть за-

мок.

Детектив методично задавал вопрос за вопросом, тщательно выясняя мельчайшие детали, а я терпеливо ему отвечала. Рассказала, как, едва услышав звук выстрела, тут же шлепнулась на землю. Показала грязные пятна на одежде. Заодно обнаружила, что ободрала левую ладонь. Может, кто-нибудь сумеет мне объяснить, почему ссадина, о которой я раньше даже не подозревала, начала жутко болеть, едва попав в поле зрения? Невольно скорчив гримасу, я попыталась оторвать грязный кусочек кожи.

– Мне необходимо срочно вымыть руки. – Бесконечные вопросы все-таки пришлось прервать.

Оба джентльмена ответили типично полицейскими взглядами.

– Чуть позже, – сухо отказал Макиннис. – Мне бы хотелось закончить разговор.

Прекрасно, пусть будет так. Все понятно. Николь убита. Сегодня мы с ней крупно повздорили, а на месте преступления, кроме меня, никого не оказалось. Детективы должны отработать все версии, а поскольку самой очевидной версией оставалась именно я, то с меня они и начали.

Неожиданно в памяти всплыл сотовый телефон.

– Да, еще вот что: в тот момент, когда раздался выстрел и я шлепнулась в грязь, я как раз набирала номер 911. От неожиданности я уронила телефон и найти его так и не смогла. Может быть, кто-нибудь посмотрит около моей машины?

Он должен быть там.

Макиннис кивнул Вискосаю, и тот, достав фонарик, отправился выполнять поручение. Через несколько минут он вернулся с телефоном и отдал его детективу.

– Лежал под машиной экраном вниз, – сообщил он. Детектив взглянул на экран. Когда начинают набирать номер, экран освещается, но ненадолго. Примерно через полминуты он гаснет. Однако если вы при этом слегка надавите на панель, он остается на экране. Так что в ярко освещенной приемной клуба цифры на моем телефоне должны были быть видны даже без подсветки.

Я очень устала и проголодалась, к тому же пережила испуг и вообще едва не упала в обморок от того, что Николь застрелили прямо у меня на глазах. Мне очень хотелось, чтобы дотошные детективы наконец покончили с первой версией, то есть со мной, и перешли к следующей. Тогда можно было бы куда-нибудь спрятаться и вдосталь поплакать. Поэтому я сказала:

– Понимаете, я же здесь одна, а значит, вам удастся услышать только мою версию событий. Так, может быть, как-нибудь ускорим процесс? Что, если применить детектор лжи?

Согласна, идея не самая гениальная, да и сердце мое в этот момент стучало с такой бешеной скоростью, что я испугалась за сохранность полиграфа, если он действительно будет применен. И попыталась придумать что-нибудь еще, чтобы отвлечь детективов от идеи немедленного использования ап-

парата. Не знаю, проводят ли они вообще подобные тесты, но мне рисковать совсем не хотелось. Кроме того, я не раз смотрела по телевизору фильмы о полицейских и знаю, что у них есть надежные способы определить, стрелял человек из пистолета или нет.

– А как насчет этих ваших хитрых тестов? – пропищала я.

Детектив Макиннис прикусил губу – так, что лицо даже немного перекосилось.

– Хитрые тесты? – осторожно переспросил он.

– Вы должны понимать, о чем я. О моих руках. Вы же можете определить, стреляла я из пистолета или нет.

– О, – понимающе протянул Макиннис, кивнув и бросив на партнера многозначительный взгляд. Тот лишь что-то невнятно промычал. – Вы имеете в виду проверку на остаточные следы пороха?

– Да-да, конечно, – быстро согласилась я, понимая, что джентльмены изо всех сил сдерживаются, чтобы не рассмеяться; но иногда стереотип глупой блондинки может оказаться даже полезным. Чем менее угрожающе я буду выглядеть, тем лучше.

Детектив Макиннис все же решил воспользоваться дельным советом. Вскоре появился человек с небольшим чемоданчиком и произвел оперативную идентификацию стрелка. Тест состоял в том, что мои ладони протерли тампонами из специального волокна, после чего эти тампоны поместили в химический состав. Предполагалось, что если на руках оста-

лись следы пороха, то состав изменит цвет. Следов пороха не оказалось. Я, правда, думала, что полицейские чем-то брызнут мне на руки, а потом начнут светить специальной лампой, но техник сказал, что этот метод уже устарел. Каждый день приносит что-нибудь новое.

Однако несмотря на отрицательный результат, Макиннис и Форестер даже не подумали закончить процедуру. Они продолжали задавать мне вопросы. Спрашивали, разглядела ли я лицо мужчины, на какой машине он уехал и так далее, в том же духе. А тем временем и моя машина, и все здание клуба, и даже прилегающая территория подверглись самому тщательному досмотру. Очевидно, не обнаружив ничего подозрительного, в том числе и мокрой одежды, полицейские наконец оставили меня в покое, причем даже не взяли подписку о невыезде.

Я знала, что Николь застрелили с очень близкого расстояния, ведь мужчина стоял рядом с ней. Поскольку лежала она возле своей машины в дальнем конце парковки, под дождем, а я была совершенно сухой, и не нашли мокрой одежды – это если бы я успела переодеться, – следовательно, убить ее я никак не могла. Мокрые следы на полу вели только от парадной двери, через которую входили полицейские; пол у служебного входа оставался совершенно сухим. Мои туфли тоже были сухими. Зато руки оказались грязными – свидетельство того, что я их не мыла. Да и на одежде отчетливо виднелась грязь. Сотовый телефон валялся под машиной, и на экране ясно

выделялись цифры 9 и 1, то есть начало номера 911. Короче говоря, картина полностью соответствовала моему рассказу, а это был хороший знак.

Я скрылась в туалете и первым делом решила самую неотложную проблему, а потом тщательно вымыла руки. Ссадина на ладони болела, поэтому я отправилась в офис и достала аптечку. Помазала рану антибактериальной мазью и прилепила огромный кусок пластыря.

Хотела было позвонить маме – вдруг кто-нибудь из знакомых уже поймал новость на полицейской волне и сообщил ей. Они с папой наверняка испугаются до полусмерти. Но потом подумала, что лучше спросить разрешения у полицейских. Выглянула в коридор, однако копы были поглощены работой. Беспокоить их не стоило. Если честно, я уже дошла до предела. Чувствовала себя совершенно разбитой. Дождь не прекращался, и его бесконечный стукдонимал еще больше. Фары стоящих машин ослепляли, от них разболелась голова. Полицейские тоже выглядели очень усталыми, а вдобавок еще и совсем мокрыми, несмотря на специальное снаряжение. Я решила, что самое лучшее сейчас – это сварить кофе. Разве копы могут его не любить?

Сама я предпочитаю ароматизированный кофе, а потому всегда держу в офисе разные добавки. Однако, как показывает жизненный опыт, мужчины не слишком склонны рисковать в отношении вкуса – во всяком случае, мужчины с юга. Житель Сиэтла даже бровью не поведет, если ему предложат

шоколадно-миндальный кофе или кофе с землянично-шоколадным наполнителем. Но южане, как правило, предпочитают, чтобы кофе обладал вкусом именно кофе и больше ничего. Поэтому специально для них я держу пачку традиционного классического кофе. Вот и сейчас я достала его из шкафа и насыпала в бумажный фильтр. Потом добавила щепотку соли, чтобы она нейтрализовала естественную горечь напитка, и совсем немного своего любимого шоколадно-миндального наполнителя. Мужчины вряд ли его ощутят, но он придаст напитку приятную мягкость.

Один кофейник я поставила под носик кофеварки, а другим начала наливать воду. Пока кофе варился, достала чашки из полистирола, молочник со сливками, красные пластмассовые ложечки и аккуратно расположила все это рядом с кофеваркой.

Вскоре дверь приоткрылась и показалась голова детектива Форестера – его явно привлек запах. Приятный джентльмен мгновенно заметил кофеварку и вошел.

– Только что сварила кофе, – пояснила я, делая глоток из своей персональной кружки – симпатичной, жизнерадостно-желтой, с начертанным большими лиловыми буквами дельным советом: «Прости своих врагов – они не ведают, что творят». Полистирол плохо реагирует на губную помаду, поэтому я предпочитаю настоящую керамическую посуду. Не то чтобы я регулярно красила губы, но, собственно, это особого значения и не имеет.

– Присоединитесь?

– У кошек есть хвост? – задал детектив риторический вопрос и направился к кофеварке.

– Это зависит от того, живут ли они на острове Мэн.

– Нет.

– В таком случае кошкам положено иметь хвост. Разумеется, если они не утратили его в результате какого-нибудь несчастного случая.

Форестер улыбнулся и налил себе чашку обжигающе горячего ароматного напитка. Должно быть, полицейские обладают особым телепатическим даром, посредством которого сообщают друг другу о наличии источника свежезаваренного кофе. Иначе чем объяснить, что через несколько минут к двери офиса потянулась целая вереница блюстителей порядка – как в форме, так и в штатском? Один кофейник я поставила наверх, на нагреватель, а в саму машину вставила второй. Скоро емкости пришлось поменять местами, так как верхний кофейник мгновенно опустел.

Приготовление кофе позволило мне занять руки и частично голову, а полицейским пусть немного, но все-таки скрасило тяготы службы. Сама я, выпив одну кружку, налила себе вторую. Все равно на сон надеяться не приходилось.

Я спросила у детектива Макинниса, можно ли позвонить маме, и он разрешил, но попросил немного подождать, так как скорее всего моя мать тут же примчится сюда, а ему хотелось сначала закончить все дела на месте преступления.

Согласившись с его доводами, я уселась за письменный стол и принялась маленькими глотками пить кофе, одновременно пытаясь унять дрожь, которая нападала совершенно неожиданно, внезапными приступами.

Все-таки надо было бы позвонить маме – пусть бы она прилетела и окружила любимое дитя заботой. Ночь казалась довольно мрачной, однако худшее еще ожидало впереди.

Глава 3

Вполне можно было предположить, что этот человек рано или поздно появится. Ведь он служил лейтенантом в департаменте полиции, а в таком городке, как наш, где всего лишь шестьдесят с небольшим тысяч жителей, убийства происходят далеко не каждый день. Так что возле моего клуба собрались, наверное, все дежурные полицейские, да и многие свободные от дежурства.

Сначала я услышала голос и лишь потом увидела его самого. Два года разлуки не помешали мне сразу узнать глубокий тембр и то своеобразное произношение, которое явно свидетельствовало, что обладатель его провел на юге далеко не всю жизнь. Да, в последний раз мы виделись два года назад, причем он ушел, даже не попрощавшись. И все же у меня в животе сразу что-то оборвалось – ощущение такое же, как на «чертовом колесе», когда начинаешь двигаться вниз. Целых два года прошло, а сердце так и норовит выскочить из груди.

Хорошо еще, что в тот момент, когда раздался знакомый голос, я находилась в офисе. Герой моего романа стоял за дверью и разговаривал со своими сотрудниками, а потому в запасе у меня оставалось несколько мгновений, чтобы приготовиться к встрече.

Да, нас с лейтенантом Бладсуортом связывала собствен-

ная история. Два года назад мы встречались – целых три раза. Звание лейтенанта ему присвоили относительно недавно, примерно с год назад, а в те времена он еще носил звание сержанта. Сержант Бладсуорт.

Может быть, и с вами случалось такое: вы встречаете незнакомого человека, и вдруг что-то происходит с вашей интуицией; каждый ваш гормон встает на цыпочки, вытягивает шею, чтобы как можно лучше видеть, а потом оглушительно кричит: «О Господи! Вот он! Да, это тот самый, которого ты так ждала! Немедленно хватай его и держи как можно крепче!»

Со мной подобное произошло с первого же приветствия. Между нами сразу начали происходить какие-то невероятные химические процессы. Едва я увидела Бладсуорта – а нас познакомила его мать, которая в то время посещала «Фанаты тела», – сердце мое в буквальном смысле затрепетало. Это повторялось при каждой встрече. Возможно, его сердце и не трепетало, но он сосредоточил внимание на моей персоне именно так, как это делают мужчины, когда видят некий объект, к обладанию которым страстно стремятся. Не важно, что это за объект: женщина или плазменный телевизор с огромным экраном. Искра взаимного узнавания оказалась сродни электрическому разряду.

Первое свидание прошло в тумане предвкушения. Первый поцелуй оказался подобен взрыву. Переспать с объектом страстного желания сразу, без промедления, мне поме-

шали два обстоятельства: а) это слишком вульгарно, б) я не приняла противозачаточную таблетку.

Должна признаться, что первое обстоятельство оказалось едва ли не более веским, чем второе, поскольку бушующие гормоны вопили во все горло: «Да, да! Я хочу от него ребенка!»

Гормоны – дураки. Прежде чем пускаться в любовную пляску, им бы стоило немного подождать и оглядеться, чтобы понять, как именно складываются обстоятельства.

Второе свидание оказалось еще более пылким. Поцелуй привел к почти полной утрате одежды. Остановиться меня заставило лишь обстоятельство «б», и это при том, что у партнера оказался кондом. Этим сомнительным изделиям я не доверяю с тех самых пор, когда после нашей с Джейсоном помолвки одно из них лопнуло в самый ответственный момент. Две недели я тряслась от страха, но, к счастью, все обошлось. Свадебное платье уже было готово к последней примерке, так что мама пришла бы в ярость, если бы, не дай Бог, талия невесты вдруг начала расползаться. Обычно я не слишком волнуюсь за мамины нервы – она в состоянии справиться с чем угодно, – но организация пышной свадьбы способна сломить даже самую стойкую и мудрую женщину.

Так что кондомы не для меня; ну разве что в качестве развлечения, если вы понимаете, о чем идет речь. Я твердо решила позаботиться о таблетках уже с самого начала следующего цикла, так как, заглянув в собственное будущее, уви-

дела в нем обнаженного Джефферсона Уайатта Бладсуорта, играющего в этом будущем огромную роль. Действительно огромную. Оставалось лишь продержаться ровно столько, сколько необходимо для полноценного действия таблеток.

На третьем свидании Уайатта словно подменили. Он был невнимательным и вялым, постоянно смотрел на часы, словно не мог дождаться, когда же можно будет наконец уйти. Прощальный поцелуй выглядел чистой условностью – так, холодное прикосновение чужих губ. Уходя, он даже не пообещал позвонить: видимо, не хотел врать, потому что действительно больше не позвонил. Не сказал вообще ничего, даже избитой фразы о том, что хорошо провел время. Больше мы с этим негодяем не встречались.

Я очень обиделась и рассердилась, и за эти два года ни обида, ни злость все еще не прошли. Как он мог так просто уйти, отказавшись от отношений, которые обещали перерасти в нечто необыкновенное? А если не чувствовал того, что чувствовала я, то зачем было срывать с меня одежду? Конечно, парни всегда так поступают, и благослови их за это Господь. Но когда выходишь из подросткового периода, начинаешь ожидать, что одной лишь похотью дело не ограничится, что лужа хотя бы немного углубится и превратится... ну по крайней мере в глубокую лужу, если уж не во что-то иное. Так что если приятель ушел лишь из-за того, что я дважды отказалась совокупляться, то, наверное, можно прекрасно обойтись и без него. Разумеется, я не позвонила и не

спросила, в чем дело и что произошло, ведь обида и гнев не позволили бы мне совладать с собственными чувствами. Решила, что позвоню, когда успокоюсь.

Два года промелькнули подобно искре, а до телефона руки так и не дотянулись.

В таком вот состоянии духа я пребывала в ту самую минуту, когда этот человек появился в моем офисе – во всей красе и в полный рост – шесть футов два дюйма. Немного изменилась прическа – темные волосы стали длиннее. Но зеленые глаза смотрели точно также: внимательно, остро и твердо. Эту твердость взгляда полицейским непременно приходится обретать, если они не хотят менять работу. Сейчас прямой проницательный взгляд казался еще острее, чем раньше, и безжалостно прожигал насквозь.

Встреча меня вовсе не радовала. Почему-то очень хотелось ударить старого знакомого, и, наверное, я бы не сдержалась, если бы не была уверена, что тут же буду арестована за нападение на представителя закона. Оставалось сделать то, что в подобной ситуации сделала бы любая уважающая себя женщина: притвориться, что не узнала вошедшего.

– Блэр, – заговорил Бладсуорт, подойдя слишком близко – гораздо ближе, чем следовало. – Ты в порядке?

Какое ему дело? Я взглянула испуганно и слегка взволнованно – именно так, как смотрят женщины, когда мужчина оказывается слишком близко и ведет себя чересчур фамильярно, – и незаметно отодвинула стул.

– Да... все нормально, – сдержанно ответила я и старательно изобразила недоумение, посмотрев так, словно начинала медленно узнавать того, кто обратился ко мне, но пока еще не могла извлечь из глубин памяти нужное имя.

Удивительно, но в зеленых глазах блеснул неподдельный гнев.

– Уайатт, – коротко представился он.

Я изобразила еще большую растерянность.

– Что? – Я наклонилась и попыталась заглянуть ему за спину, словно проверяя, есть ли в комнате полицейские – на тот случай, если странный человек окажется буйным. Честно говоря, это действительно не было лишним.

– Уайатт Бладсуорт. – Слова падали тяжело, словно свинцовые шары. Игра в шарады явно его не забавляла, зато мне она доставляла массу удовольствия.

Старательно шевеля губами, я повторила имя про себя, словно вспоминала, а в следующую секунду изобразила восторг просветления.

– О, конечно! Теперь вспомнила. Прошу прощения, но с именами у меня всегда проблема. Как поживает твоя матушка?

Миссис Бладсуорт умудрилась упасть с велосипеда прямо возле собственного дома и сломать ключицу и пару ребер. Она прервала членство в клубе до полного выздоровления, но больше так и не вернулась.

Уайатт явно не слишком обрадовался, узнав, что является

для меня лишь сыном своей матери. Неужели же он ожидал, что я кинусь ему на шею и начну биться в истерике, умоляя больше не уходить? Не дождется. Женщины семейства Мэллори слеплены из другого теста.

– Мама уже почти в норме. По-моему, страдает она не столько из-за сломанных костей, сколько из-за того, что выздоравливает не так быстро, как хотелось бы.

– При случае передай от меня привет и скажи, что я соскучилась. – Здесь я взглянула на его полицейский жетон и стукнула себя по лбу. – Черт возьми! Если бы я увидела твой знак, то сообразила бы раньше. Сам понимаешь, нервы. Детектив Макиннис просил пока не звонить маме. Но ведь сейчас здесь собралось уже полгорода, так что, наверное, уже можно, как ты думаешь?

Уайатт все еще выглядел раздосадованным. Неужели все-таки удалось задеть его драгоценное самолюбие? Не перестаралась ли я?

– Гражданских лиц пока не допускают, – ответил он. – Прессу тоже – до окончания предварительного расследования. Было бы хорошо, если бы ты придержала язык за зубами.

– Понимаю.

Я действительно понимала. Убийство вовсе не шуточное. Оставалось лишь надеяться, что ситуация не слишком сложна и не потребует постоянного присутствия лейтенанта Бладсуорта. Встав со стула, я обошла Уайатта – точно так же, как

обошла бы любого едва знакомого человека, – и налила очередную чашку кофе.

– Сколько еще будет продолжаться расследование?

– Трудно сказать.

Отличный способ не ответить на вопрос. Я заметила, что парень смотрит на кофе, и вежливо предложила:

– Угощайся, пожалуйста.

Потом схватила пластиковый кувшин, которым наполняла кофеварку, когда обе емкости были заняты.

– Сейчас принесу воды, и сварим еще.

С этими словами я выскочила из офиса и, страшно довольная собой, помчалась в туалет.

Уайатту явно не понравилось, что его драгоценную персону вспомнили с таким трудом. Если он считал, что последние два года я только и делала, что оплакивала разлуку и горевала об упущенных возможностях, то получил хороший урок. Действительно, а чего ожидал этот самоуверенный наглец? Возвращения к прежним временам?

Нет, только не в теперешних условиях, не на службе. Профессионализм диктует собственные правила. Однако Бладсуорт явно надеялся общаться с той бессознательной интимностью, которая невольно проскальзывает в разговоре с близким человеком, даже если отношения уже закончились. Ему не повезло, поскольку я оказалась в состоянии соображать и управлять собственными словами и поступками.

Когда я вышла из туалета с кувшином воды в рутах, в ко-

ридоре детективы Макиннис и Форестер тихо разговаривали с Бладсуортом. Лейтенант стоял спиной ко мне, полностью погрузившись в беседу, так что я могла как следует его рассмотреть. О ужас! Сердце снова начало подпрыгивать, словно сумасшедшее. Я остановилась и попыталась успокоиться.

Этого человека трудно было назвать красавцем, как, например, моего бывшего мужа. Уайатт выглядел не столь идеально, как Джейсон, что вовсе не удивительно, так как целых два года он играл в профессиональный футбол и выступал в качестве защитника. Но и без этого Уайатт, наверное, казался бы немного грубоватым. Тяжелая челюсть, слегка деформированный нос с горбинкой, слишком густые черные брови, сросшиеся в сплошную линию. Лейтенант поддерживал безупречную физическую форму атлета, для которого в равной степени важны и сила, и скорость. И если тело Джейсона обладало отточенной, безупречной элегантностью пловца, то тело Уайатта предназначалось для битвы.

И все-таки главным оставалось то обстоятельство, что Бладсуорт буквально излучал тестостерон. Внешность не имеет никакого значения, если мужчина обладает сексуальной привлекательностью или, если хотите, сексапильностью. Уайатт разбрасывал сексапильность лопатами, во всяком случае, в мою сторону. Химия, что тут скажешь! Иного объяснения и быть не может.

Ненавижу химию. Из-за этой глупости в последние два года я не могла настроить себя ни на какие серьезные отноше-

ния.

Как и все детективы, Уайатт был одет в свободные брюки и спортивный пиджак. Я спросила себя, почему лейтенант так поздно появился на месте преступления; может быть, задержался на свидании и отключил телефон? Нет, для этого он слишком серьезен, так что, видимо, просто оказался где-то далеко и не смог приехать раньше, чем через два часа. Больше того, попал под дождь, потому что и ботинки, и брюки его были совершенно мокрыми. Наверное, прежде чем войти внутрь, он тщательно осматривал место преступления.

Макиннис старательно сохранял бесстрастное выражение лица. Должно быть, обоих собеседников Уайатта коробило то обстоятельство, что младший по возрасту обошел их по служебной лестнице. Уайатт взлетел, словно комета, причем не только потому, что проявил себя классным полицейским. Дело в том, что у него уже было громкое имя. Местный парнишка, прославившийся своими способностями, в первый же год в профессиональном футболе пробился в Национальную лигу, а потом, всего лишь через два года, вернулся в родной город, чтобы стать полицейским.

Журналистам он заявил, что закон и порядок были его первой любовью.

Однако земляков обмануть невозможно. Все в городе отлично понимали, ради чего парень затеял историю с профессиональным футболом: всего-навсего ради денег. Бладсуорты относились к тем семьям, которые у американцев приня-

то называть «старыми деньгами». Выражение означает, что деньги когда-то были, но уже кончились. Мать Уайатта жила в огромном вековом викторианском доме, который очень любила, но содержала с большим трудом. У старшей сестры Уайатта, Лайзы, было двое детей и солидный, вполне надежный муж. Семейство справлялось с повседневными расходами, однако мечтать о высшем образовании для отпрысков не приходилось. Уайатт трезво рассудил, что позаботиться о восполнении семейного бюджета следует именно ему, а потому на время отложил карьеру блюстителя порядка, о которой мечтал с детства, и занялся профессиональным футболом. Пара миллионов долларов в год – добавка совсем не лишняя; с ней Уайатт вполне мог позаботиться о матери, отправить племянников в приличный колледж и решить прочие неотложные проблемы.

Конечно, старшие коллеги не могли не ощущать некоторой обиды, однако работали с Уайаттом они с удовольствием, потому что бывший хороший футболист действительно сумел стать хорошим полицейским и не гонялся за дешевой популярностью. Собственное громкое имя он использовал только в интересах дела, а не ради выгоды. Да и знакомство со всеми важными людьми города сыграло свою роль. Лейтенант мог запросто набрать нужный номер и поговорить, например, с губернатором. И шеф полиции, и мэр города должны были оказаться полными дураками, чтобы не видеть очевидных достоинств молодого сотрудника.

Я стояла в коридоре достаточно долго, прежде чем наконец сделала шаг вперед. Движение привлекло внимание Макинниса. Он замолчал, даже не договорив фразы, а я задалась вопросом, о чем же шла речь, если мне нельзя было слышать. Больше того, все трое повернулись и уставились на меня.

– Простите, – пискнула я и, держась как можно ближе к стене, юркнула в офис. Занявшись приготовлением очередной порции кофе, стала размышлять, не обрела ли я снова титул «Подозреваемый номер один».

Может быть, не стоит звонить маме. Может, лучше позвонить Шоне. Конечно, девочка не специализировалась по криминальной защите, но это и не имело особого значения. Она была умной, безжалостной и к тому же моей родной сестрой. Этих качеств вполне достаточно.

Я решительно направилась к двери. Скрестив руки на груди и испепелив взглядом Макинниса, храбро заявила:

– Если вы собираетесь меня арестовать, позвольте мне немедленно позвонить сестре и матери.

Детектив потер подбородок и выразительно взглянул на Уайатта, словно говоря: «С этой особой разбирайся сам».

– Лейтенант Бладсуорт ответит на все ваши вопросы, мэм.

Уайатт подошел, крепко сжал мой правый локоть, повернул меня и повел обратно в офис.

– Почему бы тебе не присесть? – любезно предложил он, наливая еще одну чашку кофе. Первую, очевидно, проглотил

залпом.

– Мне необходимо срочно позвонить...

– Адвокат сейчас вовсе не нужен, – перебил меня Уайатт. – Сядь, пожалуйста.

В его голосе, помимо властности, прозвучало что-то еще, что заставило меня сесть.

Бладсуорт подвинул стул и уселся лицом ко мне, так близко, что колени наши почти соприкасались. Я невольно отклонилась, совсем немного – так, как это сделает любой, если собеседник вдруг оказался слишком близко. Этот человек не имел права занимать мое личное пространство – уже два года как не имел.

Лейтенант сразу заметил движение и недовольно сжал губы. Однако ничего не сказал, а перешел прямо к делу.

– Блэр, нет ли у тебя каких-нибудь неприятностей, о которых нам следует знать?

Вопрос оказался очень неожиданным и вовсе не в полицейском духе. Я даже прищурилась.

– Ты же знаешь, что я думала, будто стреляли в меня, а вместо этого оказалась свидетельницей убийства. Разве этого не достаточно?

– В твоих показаниях сказано, что днем ты серьезно поссорилась с убитой, когда отказала ей в продлении абонемента, и что женщина пришла в ярость.

– Именно так. Инцидент произошел при свидетелях. Их имена я сообщила детективу Макиннису.

– Об этом мне известно, – спокойно кивнул Уайатт. – Убитая угрожала тебе?

– Нет. То есть, конечно, она кричала, что напустит на меня своего адвоката, но меня это ничуть не испугало.

– Угроз физической расправы не было?

– Нет. Все это я уже сказала детективам.

– Знаю. Не нервничай. Если убитая не угрожала, то почему же, увидев на парковке ее машину, ты решила, что находишься в опасности?

– Да потому, что она... она была настоящей психопаткой. Во всем меня копировала. Покрасила волосы в мой цвет, начала носить точно такую же одежду, сделала такую же прическу, купила такие же сережки. Даже приобрела белую машину с откидным верхом. Она довела меня до нервного тика.

– Она настолько тобой восхищалась?

– Не думаю. Напротив, я почти уверена, что Николь Гудвин ненавидела меня лютой ненавистью. И кое-кто из членов клуба тоже так считает.

– Но в таком случае к чему эта имитация?

– Понятия не имею. Возможно, она не могла самостоятельно создать собственный имидж и поэтому повторяла чужой. Ее нельзя назвать слишком умной. Хитрая – да, но вовсе не умная.

– Понятно. А кто-нибудь еще угрожал тебе?

– После развода – нет. – Я нетерпеливо посмотрела на часы. – Лейтенант, у меня больше нет сил. Сколько еще я долж-

на здесь оставаться? – Этот вопрос задавать не стоило. И без того можно было не сомневаться, что сидеть придется до тех пор, пока не уйдут все полицейские, чтобы можно было запереть клуб. Конечно, парковку окружат желтой полицейской лентой, но вывести машину, надеюсь, разрешат.

В этот момент мне пришло в голову, что скорее всего желтой лентой окружат все здание и обе стоянки. А это значит, что я не смогу открыть клуб ни завтра, ни послезавтра, ни в обозримом будущем.

– Еще совсем чуть-чуть. – Уайатт вернул мое заблудшее внимание. – Когда вы с мужем разошлись?

– Пять лет назад. Почему ты спрашиваешь?

– Он причинял тебе какие-нибудь неприятности?

– Джейсон? Да нет! После развода я даже ни разу его не видела.

– И тем не менее он тебе угрожал?

– Во время развода. Он обещал разбить мою машину. Но разумеется, ничего подобного не произошло.

На самом-то деле Джейсон обещал разбить мою машину в том случае, если я обнародую определенную информацию. А я, в свою очередь, грозилась непременно обнародовать эту информацию, если он не заткнется и не отдаст мне все, что я просила. Вернее, угрожала Джейсону не я, а Шона. Но вряд ли Уайатту стоило знать все эти подробности.

– А не мог твой бывший муж затаить злобу?

Очень хотелось бы думать, что так оно и есть. Ведь имен-

но для этого я до сих пор ездила на «мерседесе» с откидным верхом. Однако сейчас я лишь покачала головой:

– Не вижу причин. Несколько лет назад Джейсон женился во второй раз и, насколько мне известно, очень счастлив в браке.

– Так, значит, больше тебе никто и никогда не угрожал?

– Нет. С какой стати ты задаешь все эти вопросы?

Лицо лейтенанта было непроницаемым.

– Убитая одета так же, как ты. Приехала на такой же машине – белой, с откидным верхом. Когда я увидел тебя и осознал сходство, то невольно подумал, что убить хотели вовсе не ту женщину, которую убили.

Эта мысль меня поразила.

– Не может быть! Правда, я решила, что стреляют в меня, но исключительно потому, что у Николь явно поехала крыша. Она единственный человек, с которым мне не удалось поладить.

– И не возникало никаких разногласий, которые ты могла бы счесть пустячными, а другой человек воспринять более серьезно?

– Нет. Не было даже мало-мальски серьезных споров. Я живу одна, и моя жизнь течет относительно спокойно.

– А кто-нибудь из сотрудников не мог затаить обиду?

– Во всяком случае, мне об этом ничего не известно. Кроме того, все сотрудники прекрасно знают меня и прекрасно знают Николь. Никто из работников клуба не смог бы нас

перепутать. У меня собственное место на стоянке – неподалеку от служебного входа. Не думаю, что речь может идти обо мне – я совершенно случайно оказалась там в это время. Так что я не смогу помочь тебе, назвать какого-то конкретного человека, с которым у меня не сложились отношения. А вот Николь принадлежала к тому типу людей, которые постоянно раздражают окружающих.

– А ты знаешь, кого конкретно она выводила из себя?

– Да практически всех женщин в нашем клубе. В то же время многим мужчинам нравились ее сладенькие сексуально-кошачьи манеры. Стрелял в нее, несомненно, мужчина, и это кажется странным, но в то же время заставляет вспоминать о существовании такого чувства, как ревность. Николь принадлежит... принадлежала к тому типу женщин, которые с большим удовольствием разыгрывают карту ревности.

– А ты знала кого-нибудь из ее парней? Или, может быть, существовал лишь один, постоянный?

– Нет, о ее личной жизни мне ровным счетом ничего не известно. Ведь мы не были приятельницами, а значит, не делились сердечными тайнами.

Во время разговора Уайатт ни на секунду не отводил от моего лица пристального, изучающего взгляда. Это начинало меня нервировать. Дело в том, что его светло-зеленые глаза резко контрастировали с темными волосами и бровями, и из-за этого взгляд казался резче и напряженнее. При светлых волосах такие глаза выглядели бы вполне обычными и

не производили бы столь сильного впечатления. А вот взгляд Уайатта казался пронзительным. Страшно было даже пошевелиться – так крепко он держал.

Кроме того, меня раздражала излишняя близость. На почтительном расстоянии я функционировала гораздо эффективнее. Если бы между нами существовали определенные отношения, то все выглядело бы иначе. Но отношений не было, а после неприятного опыта двухлетней давности мне вовсе не хотелось вступать на тропу чувств вместе со столь непредсказуемым человеком. Уайатт сидел так близко, что я ощущала тепло его ног, а потому мне пришлось еще немного отодвинуться. Стало лучше. Не то чтобы совсем хорошо, получше.

Разрази гром этого парня! Почему бы ему не остаться на улице, под дождем? Ведь люди Макинниса там что-то делают. Если бы Уайатт остался на стоянке, а не вошел в здание клуба, мне не пришлось бы бороться с острыми ощущениями – вспоминать, как пахнет его кожа, какой вкус у его поцелуя, какие звуки он издает, когда чересчур сосредоточен на...

Стоп. Это запретная тема.

– Блэр! – окликнул Бладсуорт, повысив голос.

Я вздрогнула и вернулась к реальности. Оставалось лишь надеяться, что он не понял, где витают мои мысли.

– Что?

– Я спросил, успела ли ты рассмотреть лицо мужчины.

– Нет. Детектив Макиннис уже все это выяснял, – повто-

рила я. Долго еще собирается он задавать те вопросы, на которые я уже отвечала? – Было совсем темно, шел дождь. Я видела только то, что рядом с Николь стоит мужчина. Машина показалась мне темной. Ни марку, ни модель назвать не могу – заметила лишь классический силуэт и четыре двери. Если бы этот человек вошел сейчас в комнату, то я не смогла бы его узнать.

Лейтенант еще с минуту внимательно на меня посмотрел, а потом поднялся со словами:

– Я всегда на связи.

– Зачем? – озадаченно поинтересовалась я. Он начальник. С делом прекрасно разберутся детективы. Функция начальника – наблюдать за общей картиной, распределять силы, подбадривать сотрудников и все такое прочее.

Бладсуорт стоял молча, глядя на меня сверху вниз и недовольно сжав губы. Не приходилось сомневаться: сегодня я отчаянно его раздражала, и это было просто замечательно.

– Постарайся не уезжать из города, – наконец произнес он, хотя правильнее было бы сказать «прорычал».

– Так, значит, я все-таки под подозрением! – Смерив наглеца презрительным взглядом, я потянулась к телефону. – Немедленно звоню адвокату.

Тяжелая рука сжала мою ладонь, не позволив снять трубку.

– Ты не под подозрением. – Он все еще рычал, к тому же внезапно оказался катастрофически близко, буквально на-

висал надо мной, испепеляя яростным огнем зеленых глаз.

Разве возможно в таких условиях сохранить самообладание?

– Ну, тогда, черт возьми, уеду из города, как только захочу, – независимо заявила я, освобождая руку и принимая позу оскорбленной, но не сломленной добродетели.

Глава 4

Вот так я и оказалась в полночь в полицейском участке, под наблюдением злого как черт лейтенанта.

Он втащил меня в кабинет, посадил на стул, рявкнул: «Сиди здесь!» – и пулей выскочил за дверь.

От избытка чувств я едва могла усидеть на месте. Всю дорогу Бладсуорту пришлось терпеть излияния праведного гнева – разумеется, без бранных слов и угроз, так как они дали бы повод арестовать меня по-настоящему, и этот ненормальный ни за что не упустил бы такого подходящего случая. Однако к этому моменту я уже использовала все выражения, которые можно было употребить, не вторгаясь на личную территорию, а нарушать границу мне не хотелось. Поэтому я чувствовала себя не только взбешенной, но и страшно расстроенной.

Едва дверь закрылась, я вскочила и, чтобы показать мучителю, что к чему, обошла вокруг огромного стола и уселась в *его* кресло. Ха!

Прекрасно понимаю, что поступила глупо, совсем по-детски. Но глупо или нет, а такое поведение наверняка должно было его разозлить. Злить лейтенанта Бладсуорта так же приятно, как и целоваться с ним.

Кресло оказалось большим. Так и должно было быть, потому что Уайатт был крупным мужчиной. А еще оно оказа-

лось кожаным и мягким, и это мне понравилось. Я немного покрутилась в обе стороны, потом просмотрела лежащие на столе файлы – очень быстро, поскольку понимала, что этого делать нельзя. Интересных сведений о ком-нибудь из знакомых в бумагах не оказалось.

Я выдвинула средний ящик стола и вытащила ручку, а потом порылась в других ящиках в поисках блокнота. Наконец поверх стопки каких-то документов обнаружила нечто подходящее и начала составлять список недостатков, провинностей и злоупотреблений хозяина кабинета. Разумеется, не всех, а лишь тех, которые он успел совершить за один вечер.

Лейтенант Бладсуорт вошел, держа в руке банку диетической колы. Увидев меня восседающей в его собственном кресле за его собственным столом, он остановился, слово громом пораженный. Через несколько мгновений, немного придя в себя, очень осторожно и тщательно закрыл дверь и тихо, тоном вершителя судеб, произнес:

– И чем же ты здесь занимаешься?

– Записываю все, что ты натворил, чтобы не забыть изтожить претензии адвокату.

Уайатт почти бросил банку на стол и выхватил у меня блокнот. Перевернув страницу; взглянул на первый пункт. И без того густые брови его сошлись в одну линию.

– *«Грубо схватил свидетельницу за руку, отчего на руке остались синяки»*, – прочитал он. – Но ведь это же чистой воды ложь...

Я молча подняла левую руку и показала несколько следов от пальцев: он применил силу, чтобы затащить меня в свою машину. Уайатт замолчал на полуслове.

– Ах, черт возьми, – тихо пробормотал он. – Извини, пожалуйста, я вовсе не хотел сделать тебе больно.

Да-да, конечно. Именно поэтому два года назад он отшвырнул меня, – словно горячую картофелину. Что и говорить, тогда мне было очень больно. Главное, этот человек даже не счел нужным объяснить, почему он так поступил, и именно пренебрежение казалось мне самым обидным.

Бладсуорт присел на край стола и продолжил чтение.

– Незаконное задержание. Похищение. Похищение?!

– Ты силой увез меня из моего собственного клуба и переправил в другое место, куда я вовсе не стремилась попасть. Насколько мне известно, это и есть самое настоящее похищение.

Уайатт негромко фыркнул и снова углубился в изучение перечня обид, в который входили несдержанность в выражениях, грубость в обращении, высокомерие и дерзость. Невежда даже не удосужился поблагодарить меня за кофе. В списке присутствовали и иные юридические термины, такие как «применение силы», «шантаж» и «притеснение». Последнее выражалось в отсутствии возможности связаться с адвокатом. Я не пропустила ни одной мелочи.

Самое ужасное, что, дойдя до конца списка, негодяй улыбался! Это шло вразрез с моими планами. Ведь я хотела по-

казать все ничтожество и подлость этого низкого создания.

– Вот, принес диетическую колу, – с улыбкой сообщил он, подвинув мне банку. – Наверное, кофе на сегодня уже хватит.

– Благодарю, – ответила я, стараясь подчеркнуть разницу в наших манерах. Однако открывать банку не стала. От избытка кофеина в желудке и так было неспокойно. Кроме того, в качестве примирительного подношения кола совсем не годилась, тем более что я прекрасно понимала: Уайатт выходил из комнаты не столько за этой банкой, сколько для того, чтобы набрать в грудь побольше воздуха и, не давая мне опомниться, попытаться сломить меня. Диетическая кола наверняка пришла ему на ум в последний момент, как пример внимательного отношения к задержанной. На самом же деле ничтожный трус заботился исключительно о собственной шкуре: ведь не сумей он правильно подойти к свидетельнице, могла бы пострадать его карьера. Не то чтобы меня можно было считать исключительно ценной свидетельницей, но других в данном случае просто не существовало.

– Ну, а теперь вылезай из моего кресла.

Я убрала с глаз волосы.

– Но ведь список еще не закончен. Отдай блокнот.

– Блэр, освободи мое кресло.

Очень хотелось бы сказать, что я вела себя как взрослый разумный человек, но, к сожалению, не имею на это оснований. Изо всех сил вцепившись в подлокотники, я свирепо

уставилась на противника:

– Ни за что.

Надо признаться, это я ляпнула, совсем не подумав.

В результате очень короткой и крайне унизительной для меня схватки я снова оказалась на том самом стуле, куда лейтенант посадил меня сначала, а в большом кожаном кресле воцарился хозяин – вновь до предела разгневанный.

– Черт подери! – Уайатт провел ладонью по заметно потемневшей от щетины щеке. – Если не будешь вести себя как положено... Сейчас ты вместо стула едва не оказалась на моих коленях.

Вау! Что еще за новости? Я испуганно прижалась к спинке стула.

– Что?

– Не притворяйся, пожалуйста. Не делай вид, будто не понимаешь, о чем идет речь. Кстати, и первая твоя хитрость не прошла. Ты прекрасно меня помнишь. Не можешь не помнить – ведь я не просто обнимал тебя, а обнимал обнаженной...

– Неправда! – На сей раз я возмутилась абсолютно искренне. Может быть, он меня с кем-то путает? Да, конечно, лишняя одежда оказалась сорванной, но не до степени обнаженной натуры.

Уайатт хмуро улыбнулся:

– Детка, поверь: когда единственное, что на тебе надето, – это крошечная юбочка, да и та задрана выше пояса, это уже

называется «обнаженная».

Я слегка вздрогнула, поскольку описанная картина выглядела подозрительно знакомой. Событие отлично сохранилось в моей памяти. Второе свидание. Он на диване, я верхом на нем. Его пальцы уже внутри меня, и я почти готова наплевать на всякие противозачаточные таблетки и отдаться на волю случая.

Я покраснела, но не от смущения, а потому, что в кабинете вдруг стало страшно жарко. Наверное, термостат в кондиционере стоял на слишком высокой цифре. Однако несмотря на абсолютный хаос в душе, сдаваться я не собиралась.

– Обнаженная – это означает вообще без одежды, так что в соответствии с твоим описанием я вовсе не была обнаженной.

– Ага, значит, ты все-таки прекрасно знаешь, о чем идет речь, – удовлетворенно заметил Уайатт. – Так что брось копаться в мелочах и согласись, что я прав.

– Нет, разница все-таки существует, – упрямо настаивала я. – Конечно, я помню наши встречи, ну и что из того?

– Хочешь сказать, что настолько часто оказываешься голой рядом с мужчиной, что теперь это,уже ровным счетом ничего не значит? – подозрительно прищурившись, уточнил Бладсуорт.

Я устала притворяться. Все равно он не верил моим уловкам. А потому, посмотрев прямо в зеленые глаза, заявила:

– Ясно, что в тот раз это тоже ничего не значило.

На лице Уайатта возникло странное задумчивое выражение.

– Н-да. Я прекрасно понимаю, что должен объясниться и попросить прощения.

– Не трудись. Время для объяснений давно прошло.

– Ты так считаешь?

– Я уже двинулась вперед. А ты разве нет?

– До сегодняшнего дня я тоже так думал, – нахмурился Уайатт. – Но едва услышал, что в клубе «Фанаты тела» произошло убийство и жертва – молодая блондинка, как... – Он помолчал, а потом без видимой связи произнес: – Черт возьми...

Я уставилась на него с искренним удивлением. Ведь и правда, едва появившись, он первым делом спросил: «Все в порядке?»

А прежде чем войти в клуб, под дождем долго осматривал место преступления и тело Николь. Возможно, ее имя к тому времени уже было обнародовано, а может быть, и нет, ведь, кажется, сначала извещают родственников. Лично я и понятия не имела о семье этой особы, но в документах клуба обычно указывается ближайший родственник. Папку с бумагами забрал детектив Макиннис.

Бедная Николь. Стерва и психопатка, пытавшаяся во всем мне подражать. Почему-то я вспомнила о том, как долго лежала она на земле под дождем, пока полицейские проводили необходимые следственные процедуры. Конечно, я знала,

что изучение места преступления – дело хлопотное и требует времени, да и дождь мешал. Но ведь она пролежала под открытым небом почти три часа.

Бладсуорт щелкнул пальцами у меня под носом:

– Эй, о чем ты думаешь?

О, как же мне хотелось укусить эти пальцы! Ненавижу подобные жесты, ведь, чтобы привлечь внимание, вполне достаточно небольшого движения руки.

– Извини, пожалуйста. Просто совсем измучилась, ведь у меня на глазах убили человека. Но все равно отвлекаться, конечно, не следует. Так о чем мы говорили?

Внимательно взглянув на меня, Уайатт покачал головой:

– Так, о разной чепухе. Ты действительно очень устала, а мне пора вернуться к расследованию. Очень жаль, что убийство тебя непосредственно затронуло, но так уж случилось, а потому, хочешь ты этого или нет, встретиться нам придется еше не раз. Так что перестань капризничать и позволь мне спокойно заниматься своим делом. Пойми, я не в состоянии сосредоточиться, когда ты бесишь меня глупыми выходками.

– Вот уж не думала никого бесить, – моментально завелась я. – Ты уже приехал заведенным. Хочу домой! Могу я наконец поехать домой?

Лейтенант устало потер глаза, явно пытаясь совладать с нервами.

– Через несколько минут я сам отвезу тебя домой.

– Но ведь кто-нибудь вполне может довезти меня до клуба. А там я возьму свою машину. Мне нужна моя машина.

– Я уже сказал, что отвезу тебя домой.

– А я сказала, что мне нужна моя машина.

– Ты ее получишь завтра. Не хочу, чтобы ты болталась на месте преступления.

– Прекрасно. Значит, я поеду домой на такси. А ты можешь спокойно заниматься неотложными делами.

Я вскочила и схватила сумку, чтобы выбежать за дверь. Ничего страшного, постою под дождем, пока не поймаю такси.

– Блэр, сядь на место.

То, что он полицейский, просто ужасно. Непонятно, где заканчиваются официальные функции и начинаются личные отношения. К тому же невозможно определить степень законности происходящего. Пререкаться с Уайаттом мне больше не хотелось. Подобные действия дурно влияют на самообладание.

Я вернулась на стул. Пришлось ограничиться упрямым и злым взглядом. Грызло подозрение, что лейтенант собирается возобновить личные отношения; мне же страшно не хотелось снова вступать на знакомую тропинку, а значит, чем меньше общения, тем лучше.

У меня есть правило, которого я свято придерживаюсь. Его можно сформулировать очень коротко: «предал – исчезни». Если мужчина совершил первое, то второе он просто

обязан сделать. Я в состоянии выдержать спор, а порой и сиену, ведь даже в таких условиях можно общаться и пытаться понять друг друга. Но просто уйти, ничего не объяснив и не простившись по-человечески, – это уж слишком.

Понимаю, что выражаюсь чересчур категорично, но правда заключается в том – в свое время я спрятала ее за рассуждениями о пользе развода, – что объятия Джейсона с сестренкой Дженни оказались для меня страшным ударом. И не только из-за предательства Дженни, но главным образом потому, что я действительно любила Джейсона. Первые два года совместной жизни казались очень счастливыми. Во всяком случае, я чувствовала себя счастливой, да и он, по-моему, тоже. Постепенно мы отдалились друг от друга и я его разлюбила, но это вовсе не означало, что брак потерял смысл. Напротив, я была готова прикладывать усилия, работать и попытаться снова стать ближе. Но, застав мужа с сестрой, словно получила неожиданный удар ногой в живот; я вдруг поняла, что он уже давно меня обманывает. И не только с Дженни: думаю, ее-то он коснулся впервые. Но ведь он не был влюблен в мою сестру, а целовался просто потому, что девочка была хорошенькой и доступной. Так что скорее всего бывший муж изменял мне и с другими женщинами.

Джейсон даже не попытался снова поставить наш брак на ноги. Эмоционально он бросил меня уже давно, только я не сразу это поняла. Но когда осознала, постаралась свести потери к минимуму. Не жаловалась и не ныла направо и на-

лево, а попыталась построить собственную жизнь и сделать ее как можно интереснее и комфортнее. К сожалению, это вовсе не означало, что из переделки мне удалось выбраться целой и невредимой. Нет, душевные травмы оказались глубокими и болезненными.

И все же раны постепенно заживали, да и не в моем характере долго хандрить и слоняться из угла в угол, жалея себя. Я сделала соответствующие выводы и выработала новые правила, по-новому расставив приоритеты. Одно из этих правил гласило, что если мужчина прерывал отношения, не попытавшись поставить точки над i, то больше он не стоил ни внимания, ни душевных усилий, если, конечно, впоследствии не доказывал серьезности собственных намерений и не проявлял должного упорства.

Уайатт пока еше ничего не доказал. И уж разумеется, не обладал способностью пресмыкаться. А потому сама идея о возобновлении отношений едва ли имела шансы на осуществление.

Он протянул мне банку колы:

– Выпей. Может быть, немного остынешь.

Ну и ладно. Все равно сегодня ночью спать не придется. Я открыла банку и сделала пару глотков, а потом постаралась направить мысли в более практическое русло.

– Полагаю, завтра ни при каких условиях не удастся открыть заведение.

– Очень разумное предположение.

– Сколько же времени пройдет, прежде чем снова можно будет начать работать? День? Два?

– Бывает по-разному. Постараюсь вести следствие как можно быстрее, но в нашем деле углы не срежешь. Надеюсь, что тебе не придется простаивать больше пары дней. Прошу прощения за финансовые убытки, но...

– О, дело не в деньгах. Я ничего не потеряю. Подавляющее большинство членов клуба оплачивает годовой абонемент, потому что он обходится дешевле, чем абонемент на месяц. А сроков меньше месяца у меня вообще не бывает. Речь идет только о неудобстве для клиентов – я переживаю за них. Конечно, по сравнению с убийством это сущая ерунда, но факт остается фактом: как владелица клуба я должна заботиться о его членах, иначе пострадает бизнес.

Бладсуорт задумчиво посмотрел на меня, словно не ожидал подобной практичности. Я разозлилась. В конце концов, у нас было три свидания, и если он хоть немного обращал внимание на что-нибудь, кроме тела, то должен был бы заметить, что я не пустоголовая вертихвостка.

Впрочем, удивительно, что Уайатт вообще меня узнал, ведь два года назад он вряд ли поднимал глаза выше уровня груди.

Мысль оказалась совсем неудачной. Даже лишней. Дело в том, что тогда он действительно уделял моей груди очень много внимания. Трогал. Ласкал. Целовал. Сейчас я не слишком высокого мнения об этом великолепном укра-

шении женского тела – оно для меня скорее раздражающий фактор, а вовсе не источник наслаждения. Однако интимное воспоминание не только не исчезало, но даже заставило меня снова покраснеть.

– Бог мой, – прервал эти размышления лейтенант. – О чем же ты думаешь на сей раз?

– А почему ты спрашиваешь? – Может не надеяться, правды все равно не узнает.

– Ты же снова покраснела.

– Неужели? Извини. Очевидно, просто переживаю преждевременную менопаузу и меня бросает в жар.

Глупость, конечно, но в такой ситуации годится любой ответ.

Уайатт усмехнулся, сверкнув белоснежными зубами:

– Бросает в жар, говоришь? Хм...

– Преждевременная менопауза – это не для слабонервных.

На сей раз лейтенант рассмеялся и, откинувшись на спинку большого кожаного кресла, с минуту внимательно меня разглядывал. Чем дольше он смотрел, тем более неловко я себя чувствовала. Помните, я рассказывала о его глазах? Так вот, наверное, точно так же чувствует себя мышь, за которой внимательно следит кошка. Очень голодная кошка. До этого момента я совершенно не задумывалась о том, как была одета, но сейчас вдруг словно увидела себя со стороны: короткий розовый топ, даже не прикрывающий живот; облега-

ющие лосины для занятий гимнастикой. Бладсуорт смотрел так, словно значительная часть моего тела осталась открытой и напоминала ему о тех минутах, когда доводилось увидеть даже больше, чем сейчас. Откровенно говоря, во взгляде его явно читалась надежда на возвращение счастливого времени.

Этот человек всегда действовал на меня именно таким образом: стоило ему выразительно посмотреть, как я тут же начинала ощущать собственную женскую природу, а вдобавок и его мужскую природу, со всеми вытекающими последствиями для соответствующих участков и частей тела. Как пишут в инструкциях, деталь А соответствует детали Б. Почему-то случалось так, что когда мы оказывались рядом, я не могла думать ни о чем ином, кроме соответствующих друг другу деталей А и Б.

Уайатт взял ручку, которой я только что писала, и зачем-то начал стучать ею по столу.

– То, что я сейчас скажу, тебе не понравится.

– До сих пор мне еще не понравилось ни одно из твоих слов, так что удивляться не приходится.

– Перестань, – решительно и серьезно оборвал Бладсуорт. – Сейчас речь не о нас.

– Ничего подобного я и не думала. А кроме того, понятия «мы» вообще не существует.

Я просто не имела права уступить ни дюйма территории, ни единой реплики. Я вообще больше не хотела иметь дело с

лейтенантом Бладсуортом. Куда подевался детектив Макиннис?

Уайатт явно решил, что взывать к моему здравомыслию просто бесполезно. Он ошибался. Обычно я очень разумна и рассудительна – в его отсутствие. Но как бы там ни было, он не поднял брошенную перчатку, пусть и словесную.

– Мы стараемся контролировать поступающую в прессу информацию об убийствах, но это не всегда удается. Чтобы продолжить расследование, придется спросить людей. Надо узнать, не видел ли кто-нибудь в том районе, где было совершено преступление, человека за рулем темного седана с четырьмя дверцами. Опрос уже начался. Пока нам удается держать репортеров в стороне, но они столпились возле ограничительной ленты со всеми своими камерами и микрофонами.

– И что? – не поняла я.

– Не требуется особой гениальности, чтобы сосчитать, сколько будет дважды два, и понять, что основная свидетельница – это ты. Мы были в твоем клубе, ты все время оставалась с нами, а потом уехала в моей машине.

– Из последней сцены легче сделать вывод, что я не свидетельница, а подозреваемая.

Уайатт снова недовольно сжал губы: явно вспомнил ту борьбу, которая предшествовала отъезду.

– Не думаю. Скорее, репортеры решат, что ты слишком подавлена случившимся. – Лейтенант снова нервно посту-

чал ручкой по столу. – Мне не удастся запретить журналистам назвать твое имя. Если кто-то видел подозреваемого, значит, существует и свидетель. А кто этот свидетель, легко догадаться. Так что завтра твое имя появится в газетах.

– Ну и что за пробле... О! Я буду упомянута в качестве свидетельницы.

А это означает, что я сразу стану лютым врагом – чьим? Разумеется, самого убийцы. Что делают преступники ради собственной безопасности? Прежде всего стремятся прикончить тех, кто представляет для них непосредственную угрозу. Вот так.

Я в ужасе смотрела на Уайатта.

– Вот влипла!

– Да, – согласился он. – Точнее и не скажешь.

Глава 5

В моем мозгу роились тысячи мыслей. Ну, может быть, не тысячи – это уж слишком много, – но уж не меньше десятка. Попытайтесь-ка сосчитать собственные мысли и сразу поймете, как трудно добраться до тысячи. Но главное, ни в одной из этих мыслей не было ничего утешительного.

– Меня ведь даже нельзя назвать хорошей свидетельницей! – кричала я. – Ведь и под угрозой смерти я не смогу опознать того, кто стрелял! – Очередная отрицательная мысль, хотя и с небольшим положительным компонентом.

– Убийца об этом не знает.

– Может быть, стрелял парень Николь. Ведь обычно убивает парень или муж, разве не так? Возможно, он убил Николь в минуту слепой ревности, хотя вообще вовсе не склонен к преступлениям. Когда вы его арестуете, он сразу признается.

Разве такой вариант не реален? Во всяком случае, очень желателен.

– Возможно, – согласился Уайатт, однако выражение его лица особой надежды не вселяло.

– А что, если чувства здесь не играют никакой роли? Что, если дело в наркотиках или чем-то подобном? – Я вскочила и начала шагать по кабинету. Из-за тесноты развернуться там было негде – кругом шкафы и стопки книг. Приходилось

не столько шагать, сколько обходить препятствия. – В другую страну я уехать не могу. А ты не разрешаешь даже отлучиться из города, что в данных обстоятельствах поистине жестоко.

На самом-то деле Бладсуорт не мог меня остановить: для этого потребовалось бы или арестовать, или взять под защитное наблюдение как свидетельницу преступления. Но ведь я даже не могла опознать убийцу, так что подобные действия не имели законного основания. Так почему же лейтенант посоветовал мне не покидать город? И зачем вообще завел об этом речь, в то время как именно такой выход был бы для меня самым надежным?

Уайатт словно и не слышал замечания относительно жестокости.

– Скорее всего ты права и мисс Гудвин действительно убита по мотивам личного характера. Если повезет, то через пару дней мы сумеем разобраться с этим делом.

– Через пару дней, – повторила я. За пару дней могло случиться многое. Начать с того, что я могла расстаться с жизнью. Разумеется, придется приложить все силы, чтобы этого не произошло. Несмотря на настойчивую рекомендацию лейтенанта Бладсуорта, я все-таки собиралась покинуть город. К черту его запрет, а разрешения мне не требуется. К тому моменту как исчезновение главной и единственной свидетельницы обнаружится, я буду уже далеко. Попрошу Шону связаться с лейтенантом и передать, что если вдруг

понадоблюсь, то общаться со мной можно будет через нее – родственникам-то я обязательно скажу, где остановлюсь. Клуб все равно останется закрытым еще день-другой, так что вполне можно рассчитывать на короткие каникулы. На море я не была уже несколько лет, а значит, имею полное право позволить себе это удовольствие.

Как только смогу попасть домой, первым делом посплю, если, конечно, удастся. Если же не удастся, то начну собирать вещи. С тем чтобы выехать сразу, как только мне вернут машину.

– Приставить к тебе охрану я вряд ли смогу, так как свободных людей у нас нет. Без реальной опасности это просто невозможно. А главное, раз ты не в состоянии опознать преступника, то и свидетельницей тебя назвать трудно. – Лейтенант откинулся на спинку кресла и смерил меня долгим взглядом. – Сообщу прессе, что «неназванные свидетели» видели, как с места преступления уехал какой-то человек. Это должно отвлечь внимание от твоей персоны.

– Отличная идея! – повеселела я. Ведь если свидетелей несколько, то и убивать меня незачем, так ведь? Но откладывать отъезд я все-таки не собиралась. Мысль о нескольких приятных днях на пляже показалась мне такой заманчивой! В прошлом году я купила потрясающий купальник, но так ни разу его и не надела. Душа пела в предвкушении удовольствия.

Я встала, быстро, пока лейтенант не помешал, схватила

со стола блокнот и вырвала первую страницу – просто так, чтобы произвести впечатление. Его прегрешения я помнила и без этого! Аккуратно сложила листочек и заявила, что теперь вполне готова отправиться домой.

– Вообще-то, лейтенант Бладсуорт, вы вполне могли бы сказать мне все это в клубе, а не тащить сюда силой. Не было никакой необходимости при всех хватать меня за руки только для того, чтобы доказать, какой вы крутой коп.

Особого впечатления на Уайатта мои слова не произвели.

– Дай сюда, – показал он на листок. Я презрительно фыркнула.

– Не стоит. Неужели ты думаешь, что если порвешь эту бумажку, то все исчезнет? Я прекрасно помню, что там написала.

– Дело не в этом. Отдай свой грязный пасквиль.

Я не послушалась, сунула листок в сумку и старательно застегнула молнию.

– Нет, именно в этом. Тем более что список еще не полон.

Уайатт поднялся с уверенной фацией сильного человека, свойственной спортсменам.

– В том, – негромко заговорил он, обойдя вокруг стола и спокойно забрав у меня сумку, – что многие мужчины готовы простить тебе все на свете, даже убийство – фигурально выражаясь, – за твою красоту и ум – я не сомневаюсь. Но я не собираюсь идти этой дорожкой. Ты на моей территории. Отдай листок. Если сейчас же не отдашь, мне придется за-

брать его силой. Решай.

Я молча наблюдала, как Бладсуорт расстегнул сумку, вынул злосчастный список и сунул его в карман брюк. Конечно, можно было затеять еще одну позорную драку, но я прекрасно понимала абсурдность схватки. Пришлось пожать плечами.

– Хорошо, я составлю еще один список, как только вернусь домой. Кстати, я надеялась попасть туда уже час назад. Вам же, лейтенант Бладсуорт, хочется посоветовать не обращать все происходящее в сферу личных отношений.

Я намеренно продолжала называть Уайатта не по имени, а официально – лейтенант Бладсуорт, – так как знала, что такое обращение его страшно злит.

– При вашей работе подобная привычка может превратиться в настоящую проблему.

– Все происходящее между нами носит исключительно личный характер, – спокойно ответил Уайатт, возвращая мне сумку.

– Ничего подобного. И меня это не интересует. Так могу я все-таки пойти домой? Пожалуйста... – Я надеялась, что если буду повторять просьбу достаточно часто, ему это в конце концов надоест. Я с трудом закончила фразу: на меня вдруг напала зевота, причем вовсе не притворная. Я прикрыла рот рукой, но зевота не прекращалась. Казалось, зевать мне теперь придется вечно. Когда же наконец приступ закончился, в моих глазах стояли слезы. – Извини, – произнесла я и ста-

рательно вытерла глаза.

Мой мучитель лишь улыбнулся.

– Регулярно повторяй, что наши отношения тебя не интересуют, и, возможно, годам к девяноста ты и сама в это поверишь. Давай отвезу тебя домой, пока совсем не развалилась. – Он произнес это так быстро, что я даже нсуспела ответить на ехидное замечание, а потом положил руку мне на талию и повел к двери.

Наконец-то! Я была так рада отправиться домой, что даже не обратила внимания на то, где оказалась его рука и как мы выглядим со стороны. Уайатт чуть наклонился и открыл мне дверь. В ту же секунду в нашу сторону повернулось не меньше сотни голов, и не меньше двух сотен глаз внимательно меня осмотрели. Полицейские в форме, детективы в штатском, еще какие-то люди... Несмотря на поздний час, департамент полиции гудел, словно улей. Если бы я обращала внимание на внешние раздражители, то, даже находясь в кабинете, услышала бы звон телефонов и гул голосов. Но меня занимала лишь собственная битва с Уайаттом.

Сейчас я увидела на лицах самые разнообразные выражения: любопытство, интерес, похотливые усмешки. Не было лишь одного: удивления. Детектив Макиннис упорно прятал улыбку и делал вид, что копается в бумагах, беспорядочной кипой наваленных на его столе.

Неужели я ожидала чего-то иного? Все эти люди присутствовали при нашей публичной ссоре, которая закончилась

тем, что лейтенант силой затолкал меня в машину. Вернее, тогда закончилась не сама ссора, а ее публичная часть. Сейчас я поняла, что Уайатт, должно быть, что-то сказал коллегам по поводу наших личных отношений. Коварный враг пытался найти путь в обход моих возражений и создал такую ситуацию, что никто из его людей не чувствовал себя вправе вмешаться в наши препирательства.

– Считаешь себя умнее всех? – пробормотала я, когда мы вошли в лифт.

– Если бы я был умнее всех, то держался бы как можно дальше от тебя, – спокойно возразил Уайатт, нажимая кнопку первого этажа.

– Тогда почему бы тебе не повысить собственный коэффициент умственного развития и не пообщаться с кем-нибудь, кто действительно тебя хочет?

– Но ты хочешь меня, еще как! Может, и сама не рада, но хочешь!

– Хотела. Надо говорить в прошедшем времени. Сейчас уже нет. У тебя был шанс.

– Он и сейчас есть. Мы просто устроили небольшую передышку.

Открыв от неожиданности рот, я с изумлением уставилась на самонадеянного нахала.

– Два года ты называешь всего-навсего передышкой? В таком случае у меня для тебя новости, начальник: свой шанс ты упустил в конце последнего свидания.

Лифт остановился, двери открылись этажа промелькнули очень быстро. Уайатт снова положил руку мне на талию и повел из маленького холла на стоянку машин. Дождь, слава Богу, прекратился, хотя с деревьев и даже с проводов продолжало капать. В четвертом ряду, возле таблички «лейтенант Бладсуорт», терпеливо ждал белый «форд». Стоянку окружал забор с воротами. Репортеров я не заметила. Да их и вообще не могло быть много: в нашем городе одна ежедневная газета и одна еженедельная, четыре радиостанции и дочерняя станция телевизионной компании Эй-би-си. Даже в том случае, если каждая редакция пришлет по репортеру, их не может быть больше семи.

Специально чтобы позлить начальника, я взялась за ручку задней дверцы. Что-то буркнув, Уайатт потянул меня за руку и открыл переднюю пассажирскую дверь.

– Ну и зануда же ты!

– В каком смысле? – Я села и пристегнула ремень безопасности.

– В таком, что никак не можешь перестать вредничать.

Он громко хлопнул дверцей, обошел машину и сел на водительское место. Завел мотор, а потом повернулся ко мне и положил руку на спинку сиденья.

– Мы уже не в лифте, под наблюдением камеры, а потому повтори, пожалуйста, все, что ты сказала насчет моего шанса и насчет того, что ты меня не хочешь.

Уайатт явно меня провоцировал. Дразнил, чтобы я сгоря-

ча нагрубила и тем самым дала ему повод сделать что-нибудь непозволительное – например, поцеловать. Стоянка хорошо освещалась, так что блеск зеленых глаз был мне прекрасно виден. Уайатт ждал ответа. Очень хотелось достойно парировать выпад, но это означало бы играть по навязанным правилам, а я страшно устала и была далеко не в лучшей форме. Оставалось лишь зевнуть прямо в лицо оппоненту и пробормотать:

– Может, отложим выяснение отношений? Я так хочу спать, что почти ничего не вижу.

Уайатт усмехнулся, повернулся к рулю и тоже пристегнул ремень.

– Трусиха.

Значит, обмануть его опять не удалось. Хорошо уже то, что он не стал настаивать. Но я все-таки победила. Откинув голову на спинку сиденья, закрыла глаза и, несмотря на огромное количество потребленного за ночь кофеина, моментально заснула – мы даже не успели выехать за ограду. Должна заметить, что я обладаю замечательным даром мгновенно погружаться в сон; отец в таких случаях говорит: «Блэр отключилась». Подолгу ворочаться в постели без сна мне вовсе не свойственно, но, честно говоря, сегодня уснуть я не надеялась – из-за гремучей смеси кофе и стресса. Оказалось, что волноваться не стоило: все произошло как обычно.

Проснулась я в тот момент, когда Уайатт открыл дверцу и наклонился, чтобы отстегнуть ремень. Сонно заморгав, я

попыталась понять, что к чему.

– Мы еще там?

– Нет, уже здесь. Вылезай, Спящая красавица. – Он взял мою сумку, а потом за руку выволок из машины меня.

Я живу в квартале, который называется «Огни маяка». Это оригинальное название призвано означать, что улицы взбираются вверх, к самой вершине холма. Кондоминиум включает одиннадцать отдельных зданий, каждое из которых состоит из четырех трехэтажных секций. Я живу в первой секции третьего здания, и потому окна моей квартиры выходят не на две стороны, а на три. Крайние секции дороже, чем внутренние, но ради вида из окон денег не жалко. Еще один важный плюс – боковой портик, под которым можно ставить машину. Тем же, кто живет в середине, приходится оставлять машину у кромки тротуара. Правда, этот портик делает квартиру еще дороже. Ну и что? Зато мой «мерседес» всегда под крышей, а ради этого стоит потратиться. Уайатт, как оказалось, все помнил и поставил машину под портик.

Разумеется, в доме существовал парадный вход, но был еще и маленький входной закуток, ведущий прямо в кухню. Парадным подъездом я пользовалась, только если приезжала домой не одна. Лампы у черного входа были подключены к таймеру. Очень удобно. Ровно в девять они зажигались, и мне никогда не приходилось спотыкаться в темноте.

Я взяла сумку, нашарила ключи и вежливо поблагодарила:

– Спасибо за доставку.

Даже не добавила, что предпочла бы взять такси. Бладсуорт стоял слишком близко, словно нависая, и я интуитивно сжала в руке ключи, чтобы он их не отобрал.

– Нужно проверить, надежно ли закрыты окна и двери.

– Папа завтра это сделает. Сегодня ночью ничего не случится, потому что, пока не выйдут газеты, никто не узнает, что я оказалась свидетельницей убийства.

– А твой папа что-нибудь понимает в вопросах безопасности?

Отец понимал в этом ничуть не больше меня самой, но квартира была на сигнализации, а окна и двери я могла проверить и сама.

– Лейтенант Бладсуорт, – подавляя зевоту, как можно тверже произнесла я, – отправляйтесь домой и оставьте меня в покое.

С этими словами я отперла дверь и попыталась загородить вход.

Уайатт прислонился плечом к косяку и, глядя сверху вниз, улыбнулся:

– Честное слово, я вовсе не собираюсь врываться силой.

– Это хорошо. Почему бы нам не сделать вид, что ты не можешь позволить себе войти без приглашения?

– Но ты ведь уже меня пригласила, помнишь?

Ах вот оно что!

– Да, но с тех пор интерьер уже полностью изменился, а потому отправляйся домой.

– Ухожу. Сам устал до чертиков. Так, значит, ты решила все переделать? И что же тебе не нравилось в прежнем интерьере?

Я закатила глаза.

– Ах, так тебя интересуют вопросы внутреннего убранства квартир! Просто удивительно! Отправляйся домой. Уезжай немедленно. Но не забудь проследить, чтобы утром мне обязательно вернули машину, хорошо? Без нее я жить не умею.

– Обязательно позабочусь.

Уайатт неожиданно поднял мое лицо за подбородок и большим пальцем осторожно провел по губам. Я невольно отпрянула, пытаясь взглядом пресечь нескромное поползновение, и он рассмеялся:

– Не бойся, я вовсе не собирался тебя целовать. Во всяком случае, пока. Сейчас уже так поздно – а вернее, так рано, – что вокруг никого нет, и потому нас вряд ли бы кто-нибудь увидел. Но поскольку во время поцелуев с тебя почему-то всегда спадает одежда, нам лучше подождать до следующей встречи – когда удастся выспаться, да и обстановка окажется более интимной.

Послушать его, так я начинала раздеваться, едва он до меня дотрагивался. Сладко, как настоящая змея в шоколаде, я пропела:

– А почему бы тебе...

– Тсс. – Предостерегающим жестом Уайатт прижал палец к моим губам. – Язык твой – враг твой, так что не говори

лишнего. Просто иди домой, запри все окна и двери и ложись спать. Я заеду позже.

Нельзя сказать, что, услышав добрый совет, я не в состоянии оценить его по достоинству. Как раз наоборот: очень люблю выслушивать дельные и толковые советы. Но вот следовать ли им – уже другой вопрос. Сейчас, однако, у меня хватило ума проскользнуть в квартиру и запереть дверь – в полном соответствии с рекомендацией. Конечно, Бладсуорт мог решить, что я точно следую его приказу, но на самом деле приказ просто совпал с сигналом инстинкта выживания.

Я включила свет в кухне и остановилась возле двери, ожидая, когда машина Уайатта тронется с места, чтобы выключить лампы на улице. А потом встала посреди родной уютной кухни и наконец-то позволила всему случившемуся обрушиться себе на голову.

События казались абсолютно нереальными, словно мое личное существование проходило параллельно жизни Вселенной. Обстановка выглядела привычной и в то же время далекой и чужой, как будто принадлежала совсем другому человеку. Сама же я чувствовала себя одновременно измученной и взбудораженной – сочетание не слишком удачное.

Первым делом я включила весь свет на первом этаже и проверила, надежно ли заперты окна. Все замки были в полном порядке. Затем проделала ту же процедуру с дверьми. Гордостью столовой считалось огромное французское окно, выходящее в крытый внутренний дворик, освещавшийся

гирляндами маленьких белых лампочек. Они тянулись вдоль столбов по краю крыши и переплетались в молодых грушевых деревьях. Обычно, возвращаясь домой, я первым делом включала все лампочки – дворик выглядел очень красиво. Но сегодня было так страшно, что пришлось задернуть плотные шторы.

Позаботившись, насколько возможно, о безопасности, я наконец сделала то, что собиралась сделать уже в течение нескольких часов, – позвонила маме.

Разумеется, трубку снял отец. Телефон стоял с его стороны кровати, так как мама не любила отвечать на звонки.

– Алло. – Родной голос прозвучал сонным бормотанием.

– Пап, это Блэр. Сегодня в моем клубе произошло убийство, но я хочу сказать, что со мной все в порядке.

– Что-что? Ты сказала – убийство? – Отец сразу проснулся.

– На парковке убили одну из клиенток клуба.

В некотором отдалении послышался сердитый мамин голос – она требовала трубку и, разумеется, уже через секунду ее получила.

– Да. В начале десятого, и я... привет, мам!

– Блэр! С тобой все в порядке?

– Да, все прекрасно. Я бы не стала беспокоить вас ночью, но побоялась, что сообщит кто-нибудь чужой и вы будете волноваться. Просто хотела сказать, что у меня все нормально.

– Слава Богу, что позвонила, – ответила мама. Я содрогнулась, представив, что она могла бы сделать, если бы услышала о происшествии от посторонних. – Кого убили?

– Николь Гудвин.

– Ту, которая во всем тебе подражала?

– Да-да, именно ее. – Пару раз я жаловалась на Николь родителям. – Она поставила машину в конце стоянки и ждала, пока я выйду из клуба. Днем мы с ней немного повздорили.

– Так что же, полицейские считают, что это сделааа ты?

– Нет, разумеется, нет, – успокоила я маму, хотя какое-то время, несомненно, оставалась под нешуточным подозрением. Но маме вовсе ни к чему об этом знать. – Я только что вышла из клуба и заперла дверь, когда услышала выстрел. Стрелял мужчина, который потом уехал в темном седане. Меня он не заметил.

– О Господи! Так, значит, ты основная свидетельница?

– Не совсем, – осторожно призналась я. – Было очень темно, и шел дождь, так что опознать убийцу я не смогла бы. Но я позвонила по 911, полицейские приехали очень быстро и сразу начали делать все, что положено в таких случаях. А сейчас меня привезли домой.

– Почему так поздно?

– Раньше не получилось. Следствие на месте преступления продолжалось целую вечность.

Не стоило сообщать маме о некоем лейтенанте, из-за которого я задержалась на пару лишних часов.

– Тебя привезли домой? А как же твоя машина? Почему ты не на ней?

– Потому что машина стояла на парковке, а полицейские обнесли всю территорию желтой лентой и никого туда не пускали. Обещали утром вернуть.

«Утро» в данном случае означало светлое время суток, потому что, строго говоря, утро уже наступило. Сама я ожидала увидеть родной белый «мерседес» где-то между восемью и десятью. Если повезет, то на нем приедет не Уайатт, а кто-нибудь из его сотрудников.

– Скорее всего клуб будет закрыт несколько дней, и я хочу съездить к морю.

– Отличная идея, – с оптимизмом согласилась мама. – Лучше держаться подальше от неприятностей.

Мы настолько одинаково мыслим, что иногда даже становится страшно.

Я еще раз заверила, что со мной все в полном порядке и что я сию же минуту ложусь спать, так как ужасно устала и измучилась. Повесив трубку, я сразу почувствовала себя гораздо лучше. Мама не стала попусту охать и причитать – это совсем не в ее духе. Но зато мне удалось нейтрализовать возможные звонки доброжелателей, которые лишь расстроили бы ее.

Я собиралась позвонить и Шоне, но от усталости перечень проступков Уайатта поблек и стерся в памяти. Как только отдохну, снова его запишу. Сестра сможет разобраться в си-

туации с лейтенантом Бладсуортом, тем более что она в курсе наших отношений.

Больше всего на свете мне хотелось спать, а потому я выключила все лампы, кроме неярких бра на лестнице, и побрела в спальню. Сняла надоевшую грязную одежду и нагишом погрузилась в мягкую, такую любимую постель. Сладко потянулась и даже застонала от удовольствия, но тут же сама себе испортила момент блаженства, вообразив обнаженного Уайатта тоже сладко вытянувшимся – на мне.

Да, этот парень представлял реальную угрозу. Чтобы не позволить воображению разыграться и зайти слишком далеко, пришлось заставить себя в деталях вспомнить последнее из трех свиданий – то самое, на котором он вел себя, словно самая настоящая сволочь.

Расчет оказался верным. Прием сработал.

Наконец-то обретя мир, я повернулась на бок и тут же уснула.

«Блэр отключилась».

Глава 6

Он не забыл, что я пила диетическую колу. В восемь тридцать утра я проснулась именно с этой мыслью. Лежа в кровати и сонно глядя на медленно вращающийся под потолком вентилятор, я попыталась определить, насколько значительно данное обстоятельство. Романтическая составляющая души хотела верить, что Уайатт помнил о моей персоне все до мелочей, однако трезвый голос рассудка утверждал, что дело просто в отличной профессиональной памяти. Ведь полицейскому положено иметь хорошую память, разве не так? Думаю, при отборе кандидатов это качество ставят на первое место.

Итак, диетическая кола не имела никакого значения. Скорее всего лейтенант просто решил, что женщине положено пить безалкогольный диетический напиток. Такой подход следовало рассматривать как очевидное проявление мужского шовинизма, несмотря даже на то, что в большинстве случаев Бладсуорт оказывался прав.

Вместо того чтобы собираться в дорогу, я праздно валялась в кровати, так что запланированный ранний отъезд к морю откладывался. Конечно, промедление не имело такого уж серьезного значения, ведь машины все равно не было. Но кто-то – скорее всего Уайатт – мог появиться на ней в любую минуту. Эта мысль заставила меня вскочить с постели

и нырнуть под душ. Водные процедуры оказались короткими, так как неожиданно дал себя знать голод. Он подступил с такой силой, что я испугалась, как бы не упасть от слабости, ведь перед сном я так и не догадалась хоть чем-нибудь подкрепиться.

Да-да, понимаю, что грех жаловаться на голод, когда бедная Николь уже никогда и ничего не сможет съесть. Ужасно. Николь мертва, а я жива, и все же ее смерть ничуть не улучшила моего отношения к странной особе. Больше того, из-за Николь клуб закрыт на неопределенное время. Если бы она не вела себя как последняя стерва и не ждала меня на паркозке, чтобы отомстить, ее бы не убили на моей собственной территории. А если уж быть последовательной и довести логическую цепочку до самого конца, то нельзя не признать, что именно Николь виновата в нашей с Уайаттом Бладсуортом новой встрече.

Ночью мне было ужасно жаль бедную женщину. Однако утром, когда голова прояснилась, мне вдруг стало ясно, что даже мертвой она умудряется причинять зло.

Я поставила вариться кофе, схватила в холодильнике йогурт и, пока резала пшеничный хлеб для тостера и чистила банан, залпом его проглотила. Очень скоро был готов аппетитный сандвич с арахисовым маслом, медом и бананом, а вдобавок к нему еще и две чашки крепкого кофе. Стало намного лучше, и жизнь уже не казалась такой запутанной. Порой, когда в клубе очень много работы, я вполне могу огра-

ничиться яблоком или чем-то подобным, но когда есть время спокойно расположиться за столом, я, конечно, предпочитаю настоящую *еду*.

Когда смерть от голода отступила и появилась надежда на будущее, я забрала с парадного крыльца утреннюю газету и, палив еще одну чашку кофе, принялась изучать, что же сумели сотворить из вечернего убийства журналисты. Статья занимала целый подвал первой полосы и сопровождалась крупной фотографией, на которой Уайатт вытаскивал меня из клуба и тащил в свою машину. Бладсуорт казался большим, сильным и мрачным, а я выглядела просто шикарно: обтягивающие лосины и розовый топ, а между ними – красивый загорелый живот. Стройная, без лишнего жира, но и без лишних мускулов, так что все прекрасно. Невольно подумалось, что фотография – лучшая реклама моего фитнес-клуба. Но подпись гласила: *«Лейтенант Дж. У. Бладсуорт уводит свидетельницу Блэр Мэллори с места преступления»*.

«Уводит», черт возьми! Слова «тащит» или «волочит» подошли бы куда лучше. И вообще, с какой стати они сунули мою большую цветную фотографию, да еще и с подписью, на первую страницу? Неужели нельзя было напечатать имя где-нибудь в конце статьи, мелкими буквами?

Я прочитала статью от начала до конца и нигде не нашла обещанного Уайаттом заявления о «свидетелях», во множественном числе. Единственное упоминание о свидетеле, вернее, свидетельнице, фигурировало в единственном числе и

касалось моей скромной персоны. Может быть, к тому времени, когда лейтенант встретился с журналистами, статья уже пошла в печать? Вполне возможно, что завтра появится другая информация, но дело уже сделано и вред уже нанесен.

Словно услышав мои мысли, зазвонил телефон. На определителе высветилось название газеты. Нет уж, с репортерами я разговаривать не намерена, потому трубку снимать не стала, а поручила звонок автоответчику.

Пора уезжать из города, и чем быстрее, тем лучше.

Я побежала наверх, быстро высушила волосы и оделась: розовые брючки, белая рубашка и самые что ни на есть шикарные сандалии с маленькими розовыми и желтыми ракушками на ремешках. Ну разве это не лучший из всех возможных пляжных костюмов? Я почистила зубы, а потом взялась за увлажняющий крем, тушь и румяна. Не забыла и блеск для губ – так, на всякий случай. На какой случай? Конечно, на тот, если машину пригонит сам лейтенант Джефферсон Уайатт Бладсуорт. Тот факт, что я не хотела возобновления отношений, вовсе не исключал стремления показать неверному, какую жемчужину он необдуманно отверг два года назад.

Телефон трезвонил не умолкая. Я поговорила с мамой, которая просто проверяла, как у меня дела. Поговорила с Шоной, которую страшно взволновало и само убийство, и фотография, на которой меня запечатлели рядом с Уайаттом – и это после переживаний двухлетней давности. На другие

звонки я просто не отвечала. Зачем разговаривать с репортерами, с любопытствующими близкими и дальними знакомыми, с потенциальными убийцами?

Движение на нашей улице было необычно оживленным. Возможно, даже хорошо, что моя машина не стояла под портиком: ведь сейчас можно было подумать, что дома никого нет. И все же срочно требовались колеса: ждали неотложные дела и предстоящие маршруты.

К десяти часам машина все еще не появилась. Я сгорала на медленном огне, а потому решила отыскать номер телефона департамента полиции.

Трубку снял некий сержант. Разговаривал он исключительно вежливо, однако толку от его вежливости было мало. Я спросила, нельзя ли поговорить с лейтенантом Бладсуортом. Оказалось, что нельзя. Так же, как и с детективом Макиннисом. Сержант ловко переправил меня к кому-то, кто, в свою очередь, отослал дальше. Причем каждый раз мне приходилось подробно объяснять ситуацию. Наконец – наконец! – удалось обрести в качестве собеседника детектива Форестера. Историю пришлось повторить еще раз.

– Сейчас проверю. По-моему, лейтенанта в здании нет, но я постараюсь помочь вам с машиной, – пообещал детектив и положил трубку на стол.

Оставалось лишь слушать шум, тот, который возникает в результате сплетения множества разнообразных звуков. Звонили телефоны, шуршали листы бумаги. Судя по всему, в

помещении департамента полиции днем работа кипела с той же интенсивностью, что и ночью. Я ждала. Времени даром не тратила, а тщательно изучила маникюр, который держался молодцом. Появились мысли о ленче: в отсутствие машины он мог стать серьезной проблемой. Дома я обычно только завтракала, а на ленч оставалась редко. К тому же я почти две недели не покупала продуктов. Наверное, можно было бы заказать пиццу, но ее мне почему-то совсем не хотелось. Зато с каждой минутой заметно укреплялось решение, придушить одного знакомого лейтенанта полиции.

Наконец детектив Форестер снова взял трубку.

– Мадам, лейтенант Бладсуорт именно сейчас занимается вашей машиной.

– Когда он приедет? Сижу, словно в западне. Он обещал доставить ее рано утром.

– Мне очень жаль, мадам, но сегодня у лейтенанта очень много дел.

– Тогда почему же за руль не может сесть один из сотрудников? О, придумала! Я могу взять такси и приехать в клуб «Фанаты тела», а там кто-нибудь из ваших людей выведет машину со служебной стоянки. Это сохранит всем массу времени и нервов.

– Не вешайте трубку, – распорядился детектив. Я не вешала. Оставалась на линии. Оставалась, оставалась и оставалась. Минут через десять Форестер вернулся и произнес: – Извините, мадам, но именно сейчас ничем не могу вам по-

мочь.

Ну что ж, его вины в этом не было. Мне даже удалось сохранить спокойный тон.

– Понимаю. Спасибо за благие намерения. Кстати, вы мне не скажете номер сотового телефона лейтенанта Бладсуорта? Я его куда-то засунула и потому вынуждена вас беспокоить.

– Ничего страшного, – галантно ответил детектив и назвал номер.

Так-так. Благодаря несдержанности Уайатта все полицейские решили, что между нами что-то есть. А в таком случае почему бы детективу и не дать мне его номер? Бладсуорт совершил грубую тактическую ошибку.

Скорее всего начальник занят чем-то важным, и звонок чрезвычайно его отвлечет. О, как я на это надеялась! Начала было набирать номер, но остановилась. Скорее всего телефон Уайатта оборудован определителем номера, а это значит, что лейтенант меня узнает и вполне может не ответить. Самодовольно улыбаясь, я положила трубку и вытащила из сумки сотовый – благо, детектив Макиннис вчера вечером вернул его мне, когда пришел к выводу, что Николь погибла не от моей руки. Включив телефон, я набрала номер.

Уайатт ответил с третьего звонка.

– Бладсуорт, – коротко представился он.

– Где моя машина? – выпалила я как можно требовательнее.

Лейтенант вздохнул.

– Блэр, я все сделаю. Просто сейчас слишком много дел.

– Я сижу, как в ловушке. Если бы ночью ты удосужился выслушать мои доводы, то мог бы сразу вернуть машину, и сегодня не пришлось бы мучиться. Но нет, тебе просто необходимо демонстрировать свою власть.

Бладсуорт не захотел слушать упреков и отключил телефон.

Я скрипнула зубами от бессильной ярости, но не позвонила снова, как он, должно быть, ожидал. Все ясно. Значит, Уайатт намерен вести себя как последнее ничтожество.

Ненавижу этого человека! Пусть катится к черту! Хотя, когда он рядом... нет, в эту сторону я больше не ходок.

Пришлось рассмотреть существующие варианты. Конечно, можно позвонить родителям. Они с удовольствием свозят меня в магазин или даже дадут на время одну из своих машин, но это заставит их самих терпеть неудобства. Шона тоже с готовностью исполнит роль таксиста. Дженни могла бы, если бы в повестке дня не значилось ничего более интересного. Беда, однако, в том, что одна лишь мысль о светской жизни младшей сестры повергает меня в глубокую депрессию.

С другой стороны, ничто не мешает мне взять машину напрокат. Я знаю несколько очень уважаемых агентств, сотрудники которых с удовольствием за мной приедут, отвезут в офис для заключения договора и предоставят машину на любой срок.

Когда в голове созревает план действий, надо действовать. Я нашла в справочнике телефон компании, позвонила и договорилась, чтобы за мной приехали через час. Потом быстро полила все имеющиеся в доме растения и принялась собирать необходимые для короткой поездки к морю вещи, их оказалось совсем немного. Основное место в дорожной сумке заняли вовсе не тряпки, а косметика и туалетные принадлежности. Сунув пару книг – на тот случай, если вдруг возникнет настроение почитать, – я вышла к парадной двери и принялась ждать появления машины.

Движение на улице заметно утихло; судя по всему, зеваки и репортеры решили, что я где-нибудь прячусь, а мржет, просто отправились по магазинам. И все же, ожидая, когда за мной приедут, я решила не выходить на крыльцо, чтобы не стать легкой добычей репортеров или убийцы. Вытащив брелок, чтобы запереть за собой дверь, я с удивлением обнаружила в связке ключи от своей машины. Замечательно! Просто здорово! Оказывается, Уайатт никак не мог ее мне вернуть, потому что я не дала ему ключи, а спросить он не догадался.

Ну что ж, н ичего страшного. Старушка дождется возвращения хозяйки возле клуба. Сигнализация исправна, навес над парковкой на месте. Самое страшное, что может произойти, – Уайатт отбуксирует ее на городскую стоянку. Впрочем, лучше бы он этого не делал, потому что в случае малейшего повреждения я непременно предъявлю иск.

Напротив дома остановился белый «понтиак» с эмблемой фирмы проката автомобилей. Я подхватила сумку и прежде, чем водитель успел выйти из машины, выскочила на крыльцо. Задержавшись лишь на минуту, чтобы запереть парадную дверь, я подбежала к машине. Открыла заднюю дверцу, бросила сумку на сиденье, а сама устроилась впереди, на пассажирском месте.

– Поехали быстрее, – потребовала я, – пока сюда кого-нибудь черти не принесли.

Водитель растерянно заморгал.

– А что, вас кто-нибудь преследует?

– Вполне возможно. – Если он ничего не знает, тем лучше. Да и правда, кто в наши дни читает газеты? – Бывший парень не дает покоя ни днем ни ночью.

– Он агрессивен? – В голосе прозвучала тревога.

– Да нет. Просто чересчур много ноет. Надоело.

Вздохнув с облегчением, водитель тронулся с места и повернул в сторону нашего небольшого аэропорта, где расположены все фирмы проката. Началась дискуссия относительно выбора конкретного экземпляра. Все недорогие незамысловатые модели я отвергла, поскольку они оказались чересчур уж незамысловатыми (в одной даже, чтобы открыть окно, надо было крутить ручку – я и понятия не имела, что Детройт до сих пор выпускает такие древности). В конце концов выбор пал на стильный черный пикап. Конечно, на юге черный цвет не самый удачный (из-за жары), но зато красиво смот-

рится. Кроме того, если уж никак нельзя получить любимый «мерседес», то прокатиться в пикапе очень даже интересно и круто.

Наконец с формальностями было покончено, бак заполнен бензином. Сумка – на заднем сиденье, ремень безопасности пристегнут! Готово! Море, я еду к тебе!

Что и говорить, лето не самое удачное время для поездки на пляж без предварительной подготовки. А меня понесло туда еще и в пятницу, когда так поступают все, кто провел рабочую неделю в городе. Но я выехала в полдень, а потому надеялась обогнать конкурентов, тем более что среди них наверняка найдутся отчаянные головы, не потерявшие надежды получить комнату в мотеле прямо на месте. Люди так поступают только потому, что судьба часто оказывается к ним благосклонной.

Поездка из западной части штата на восточное побережье занимает несколько часов. А мне, кроме того, предстояла остановка на ленч. Вести пикап оказалось ужасно приятно, потому что он высокий, а значит, с водительского места прекрасно видно и дорогу, и окрестности. К тому же новая машина оказалась мощной и обладала массой восхитительных излишеств. Прекрасная дорога звала вперед, кондиционер работал отлично, солнышко ласково светило, а Уайатт Бладсуорт стремительно удалялся и понятия не имел, где я нахожусь и куда еду. Жизнь постепенно снова обретала и смысл, и краски.

Примерно в три зазвонил сотовый. Высветился номер: именно его я набирала сегодня утром, так что сразу поняла, кто звонит. Нажала кнопку голосовой почты и преспокойно продолжала рулить по гладкой дороге.

Идея мини-каникул радовала меня все больше. Пара дней на пляже принесет массу удовольствия и пользы, а вдобавок позволит спокойно переждать пик интереса к убийству Николь. Обычно я очень ответственно отношусь к работе, ведь «Фанаты тела» – мое детище, но на этот раз с радостью ухватилась за то, что судьба неожиданно подарила отпуск. Конечно, по-хорошему, на двери клуба следовало бы повесить объявление, чтобы клиенты знали, когда мы снова откроемся. О, черт! Я же совсем забыла о сотрудниках! Надо было непременно позвонить каждому из них. С этой мыслью я набрала номер Шоны.

– Сама себе удивляюсь, – пожаловалась я, едва сестра ответила. – Ведь я не позвонила людям и не поставила их в известность, когда им приходить.

Самое ценное качество Шоны – умение читать между строк. Не зря мы вместе выросли. Сестра сразу поняла, что речь идет не о членах клуба, а о сотрудниках.

– У тебя дома есть список их телефонов? – Шона всегда отличалась конструктивностью мышления.

– Отпечатанный листок вложен в адресную книгу, а она в левом верхнем ящике письменного стола. Найди ее, а я, как только устроюсь, сразу позвоню и запишу номера.

– Я сама всех обзвоню. Я же в городе, так что звонки будут местными. А ты накрутишь немалую сумму. Не волнуйся, все будет в порядке.

– Спасибо. С меня причитается, так что подумай, что тебе подарить.

Эта девочка просто чудо. Какое счастье иметь такую сестру! Я ведь позвонила Шоне на работу, так что она вполне могла бы сказать, что занята и займется моей просьбой потом, может быть, завтра. Но нет, тогда это была бы не Шона – сестра никогда не отказывает и помогает сразу по полной программе, словно ей больше и заняться нечем. Заметьте, я не говорю ничего подобного о Дженни – та все еще считает себя привилегированной особой. Ну и, разумеется, я вовсе не забыла, с каким удовольствием она целовалась с моим бывшим мужем. Конечно, кто старое помянет... и все же что было, то было.

– Не делай такие рискованные заявления. Я ведь могу попросить чего-нибудь более существенного, чем разрешения надеть твое лучшее платье. Кстати, тут кое-кто тебя разыскивает и очень сердится. Догадайся, кто бы это мог быть. Подсказываю: работает в полиции, звание – лейтенант.

Меня поразило вовсе не то, что Уайатт меня разыскивает и злится, а то, что он позвонил Шоне. На одном из грех наших свиданий я говорила, что у меня две сестры, но имен не называла и вообще не сообщала никаких подробностей. Но удивляться, конечно, глупо: он же коп, так что имеет доступ

к любой информации.

– Вау! Надеюсь, он тебя не слишком утомил?

– Нет, он вел себя очень сдержанно. Сказал, готов биться об заклад, что я и есть твой адвокат. К чему бы это?

– Я составила список претензий, который пообещала передать своему адвокату.

Шона хихикнула.

– И что же это за претензии?

– Ну, рукоприкладство, похищение, заносчивое и грубое обхождение и все такое прочее. Бладсуорт забрал листок, так что теперь придется составлять новый перечень. Думаю, с течением времени он будет удлиняться.

Теперь уже Шона смеялась по-настоящему.

– Особенно мило звучит пункт о заносчивом обхождении. А если серьезно, моя помощь нужна? У тебя крупные неприятности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.